

ЕКАТЕРИНА РИЗ

По правде
ГОВОРЯ

Екатерина Риз

По правде говоря

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63016417

ISBN 9785005167859

Аннотация

Вика не предполагала, что жизнь подкинет ей встречу с человеком, семья которого, причастна к исчезновению её сестры десять лет назад. Прошло много лет, а она и её родители ещё ждут возвращения Ксении домой. А тут брат жениха её пропавшей сестры предлагает Вике работу. Он уже не помнит о том происшествии, зато помнит сама Вика, и соглашается на эту работу с единственной целью – в надежде узнать что-то о судьбе сестры.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	38
ГЛАВА 3	69
ГЛАВА 4	102
ГЛАВА 5	133
Конец ознакомительного фрагмента.	143

По правде говоря

Екатерина Риз

© Екатерина Риз, 2020

ISBN 978-5-0051-6785-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Я зацепила взглядом красно-белую листовку на столбе, по инерции пробежала мимо, но затем остановилась. Прервала утреннюю пробежку ради бросившегося в глаза объявления знакомого образца. Знаете такие? О пропавших людях? Белый лист, красная броская рамка, фотография пропавшего, и просьба обратить внимание и помочь. Скомпонованная важная информация о пропавшем.

Я стояла, пытаюсь отдышаться после интенсивной пробежки, уперев руки в бока, и вглядывалась в листовку на столбе. В парке кроме меня, кажется, ещё никого не было. Семь утра, я всегда бегала по утрам, это давало мне чувство контроля над всем последующим днём. Листовка была о пропаже женщины из нашего района, судя по дате рождения, ей было чуть за пятьдесят. Отсканированная фотография не ахти какого качества, к тому же, женщина на ней выглядела счастливой, широко улыбалась в камеру, а ещё нарядной, с причёской и макияжем. Вряд ли, даже встретить я её сейчас на улице, смогу узнать и сопоставить в своей голове два совершенно разных образа. Но женщина пропала, довольно молодая женщина, наверняка, дочь, жена и мать, и её возвращения очень ждали дома. Это настоящая беда...

Куда, куда могут пропадать люди? Просто взять и пропасть. Уйти из дома и не вернуться.

Спустя какое-то время, если их так и не смогли отыскать, человека признают пропавшим без вести. А спустя пять лет можно добиться признания пропавшего погибшим.

Все эти мысли вихрем пронесли в моей голове, вызвали горечь воспоминаний, я вздохнула, поморщилась, не от досады, а в попытке как-то справиться с нахлынувшими эмоциями, и побежала дальше.

Мама вот не согласилась признавать гибель дочери, она всё ещё ждёт.

Когда-то у меня была старшая сестра. Ксения. Ксюша, Ксеня. Как только её не называли окружающие, она была очень общительным, жизнерадостным человеком. Казалось, что перед ней все дороги открыты, и у Ксюхи всё непременно в жизни сложится. Как надо, в общем. Между нами была разница в четыре года, я была младшей, и в то время оканчивала школу, а на старшую сестру всегда смотрела с завистью. Ксюша казалась мне взрослой, куда смелее меня, и уж точно, куда красивее. От кавалеров у неё с седьмого класса отбоя не было. А я была младшенькой, боязливой заучкой, сколько себя помню, носила очки, дурацкие хвостики и вечно краснела, когда кто-то обращал на меня пристальное внимание. Вспоминать о своём детстве и юности, именно рядом с Ксюшей, было приятно и больно одновременно. И при воспоминании о ней, мне хотелось улыбнуться в умилении, посмеяться над чем-то, порой светло погрузить о прежних временах, о молодых родителях, о нашей, казалось бы, хоро-

шей и правильной семье. А потом я вспоминала о том, что всё это безвозвратно ушло, потеряно, сгнуло непонятно где и почему, и мне становилось откровенно не по себе. Мороз, неприятный озноб пробирал до костей, при осознании того, что я-то погрузу, помучаюсь в который раз, а затем отвлекусь на свою привычную жизнь. Дом, работа, увлечения, планы на будущее, а Ксюха...

Прошло десять лет со дня её исчезновения, и я успела убедить себя в том, что моей сестры нет в живых. Случилось что-то ужасное, трагичное, она не смогла вернуться домой. И у неё не будет той самой налаженной жизни, планов и их успешного осуществления, чего ей так желали родители, любви, семьи и детей. И когда в моей жизни наступал трудный момент, и я принималась жалеть себя или жаловаться, я всегда думала о сестре, и говорила себе, что у меня всё далеко не ужасно. У меня есть многое из того, чего с ней никогда не случится. Так разве у меня есть право жаловаться?

Увиденное в парке объявление о поисках незнакомой женщины, немного выбило меня из колеи. Да, я расстроилась. В голову невольно в миллионный раз полезли мысли о том, что же могло приключиться с моим близким человеком, и, если предположить – только предположить! – что она жива, где она может находиться, что с ней может происходить, и, возможно, именно в этот момент ей нужна помощь. Каждый раз от таких мыслей и предположений меня начинало потряхивать. Спустя десять лет после исчезновения Ксе-

нии, признаюсь, я не думала и не вспоминала о ней каждый день, острая фаза отчаяния и бесконечного ожидания, была давно пройдена, но каждый раз, как мысли о ней поселялись в моей голове, мир вокруг становился куда менее ярким и зовущим. Всё окрашивалось серыми, тоскливыми красками, и мне необходимо было время, чтобы прийти в себя.

Чтобы как-то себя приободрить, я прибавила темп, и поэтому до дома добежала в то же время, что обычно, хотя потратила несколько минут на стояние в парке у столба. Немного задохнулась.

– Привет.

Остановившись у подъезда, я услышала знакомый голос. Обернувшись, махнула Жанке рукой. Жанна была моей соседкой, и, на самом деле, её звали Снежанна, но она терпеть не могла своё имя, и поэтому требовала звать её иначе. Для друзей и знакомых она стала Жанной, а её супругу досталось требование звать Жанку «солнышком». Или рыбкой, или зайкой. В общем, как угодно, лишь бы любви и страсти в голосе звучало побольше. Муж её, Сергей, против настоящих жены не возражал, вот только за её спиной (я лично слышала) поговаривал, что на «рыбку» и «зайку» его благоверная после вторых родов совсем не похожа. Больше на то самое «солнышко», по габаритам. Вокруг которого всё и крутится. Конечно, подобные высказывания, Серёгу, как мужчину, не красили, но стучать я на него не стала. Во-первых, считала Жанку своей лучшей подругой вот уже пару лет, и расстра-

ивать её не хотелось, а, во-вторых, здоровья бы это Сергею не добавило. Жанка дома бы его прибила. Нрав у неё был крутой, характер огонь, а габариты с некоторых пор, на самом деле, позволяли потягаться в силе и ловкости со стокилограммовым супругом. И я, входяя в их дом, отлично знала, что в семье у них царит полный матриархат, это только перед друзьями и знакомыми Сергей пытается выказать себя главой семейства и хозяином положения, но и то шёпотом, чтобы жена, упаси Господь, не услышала.

Жанка в ранний час выгуливала своего любимого пёсика, малюсенькую собачонку Бубуню, померанского шпица. Это было абсолютно белое, пушистое создание, напоминающее мягкий клубочек с тонкими ножками, едва различимыми от пушистости ушками на голове и хвостиком-рогаликом на попе, а еще любопытным длинным носом. Ах да, ещё в Бубуне было немереное количество восторга по отношению ко всему, что она вокруг видела, истинно женский капризный характер, а ещё ужасно противный тонкий, писклявый лай, который приводил в восторг, кажется, лишь одного человека на свете – Жанну. Каждый раз, когда собачонка заливалась возмущением, переходя на ультразвук, Жанка в умилении всплёскивала руками и принималась капризное создание увещевать. Хватала на руки, целовала белоснежную шерстку или совала в маленькую пасть очередную вкусняшку.

– Ты меня так не целуешь и не кормишь! – возмущался раз

за разом Серёга, злобно поглядывая на комок белоснежной шерсти у жены на руках.

– А ты меня так, как Бубуня, не любишь, – отвечала ему Жанка и гордо отворачивалась.

– Зато я вас всех кормлю, – не оставался супруг в долгу, грозил кулаком кому-то неизвестному, очень даже возможно, что и Бубуне, которая сама была размером с его кулак, и уходил в другую комнату. Наверное, переживать, что его променяли на собаку, которую и собакой-то назвать можно с большой натяжкой.

Я обернулась на Жанкино приветствие, а Бубуня, заметив меня, закатилась тем самым противным, тонким лаем. На весь двор. Жанка, степенно вышагивающая рядом со своим микроскопическим питомцем в новом спортивном костюме алого цвета, примирительно проговорила:

– Тихо, Бунечка. Это же Вика. Что ты шумишь?

Но надо знать Бубуню, она не остановится, пока всему двору, двум пятиэтажкам, не доложит о моём возвращении с пробежки. Не обращая внимания на досадный лай, я к ним приблизилась. Поздоровалась в ответ. Жанна окинула меня быстрым взглядом, таким, с намёком на зависть ко мне и досаду на себя одновременно.

– И когда я тоже с тобой бегать начну? – задала она свой обычный риторический вопрос. И я совершенно привычно ей честно ответила:

– Никогда.

Жанка тут же возмущённо выпятила нижнюю губу. Пожаловалась:

– Добрая ты.

Я плечами пожала.

– Я тебе правду говорю. Я здесь два года живу, два года бегаю, и ты каждое утро задаёшь мне этот вопрос. Хотела бы, давно бы бегать начала.

– Ага, у меня дети, вообще-то.

Я вытаращилась на подругу.

– Это здесь причём?

Жанка окончательно расстроилась, возмутилась моей непреклонностью и, в конце концов, махнула на меня рукой.

– Ну тебя. Недобрая ты, Вика. Нет бы поддержать мои стремления...

Я улыбнулась.

– К чему? К спорту? Ну, молодец, стремишься. Это важно.

Жанка присмотрелась ко мне внимательнее. Затем вопрошающе кивнула.

– Ты чего какая? Случилось чего? С Вовкой поругались?

– Да нет, он ещё спит. Я бы не успела. – Но вздохнула, решила поделиться. – Объявление о розыске в парке видела. Женщина пропала из нашего района.

– Ах да, я тоже видела. Вчера в магазине повесили.

– Ты не знаешь, её нашли?

– Нет, откуда? А что, знакомая твоя?

Я качнула головой.

– Нет. Просто подумалось... кого-то же должны находить, да?

Жанка глядела на меня с печалью, догадавшись, что именно меня расстроило. Согласилась со мной.

– Кого-то должны. Наверняка, кого-то находят, Вик. Просто всегда по-разному.

– Ну да.

Жанка взяла меня под руку. Несильно толкнула плечом, так сказать, в знак поддержки.

– Ты не расстраивайся. Что уж теперь, всякое бывает.

Я снова кивнула.

Жанка наклонилась, подхватила Бубуню на руки, и мы все вместе направились к подъезду. Бубуня смотрела на мир вокруг глазенками-пуговицами, от любопытства высунув розовый язык. Важно гавкнула на кота, мирно дремавшего на лавке. Тот даже ухом не повёл. Наверное, столь низкие частоты кот за лай собаки не воспринимал.

– Пойдём к нам завтракать? – предложила Жанна. – Я гренки сделаю, как ты любишь, с молоком.

Я качнула головой, отказываясь.

– Не могу, мне на работу раньше надо. У нас планёрка, обязали быть всем. И вовремя.

На Жанкином лице появилось кислое выражение.

– Я, когда слышу слово «работа», мне так тоскливо становится на душе, духота наваливается. Не знаешь почему?

Мы поднялись на второй этаж, Жанна остановилась у сво-

ей двери, а я успела шагнуть на первую ступеньку следующего лестничного пролёта. Я жила на два этажа выше.

– Знаю, – порадовала я её. – Потому что ты пятый год сидишь в декрете, и забыла, что это такое, каждый день с восьми до пяти, а то и без выходных.

Жанна махнула на меня рукой.

– Тфу на тебя. Сглазишь ещё. У меня и дома дел куча. Кстати, пойду любимого растолкаю, для него-то работа – это спасение. Только и думает, как бы от нас с детьми сбежать, в машинах своих ковыряться. Хорошо хоть деньги нормальные платят.

Я напоследок подруге улыбнулась, махнула рукой на прощание и легко побежала вверх по ступенькам. Нужно было успеть принять душ, выпить кофе и выйти из дома вовремя, чтобы успеть на работу. На ту самую планёрку. Работала я экономистом на одном из крупных производств нашего города. Производство было крупным, машиностроительным, а вот заработная плата не столь крупная, как хотелось бы. В нашем городе, вообще, крупных зарплат было не найти. И я, со своим, можно сказать, что выстраданным дипломом экономиста, вот уже четыре года пыталась дослужиться хоть до какого-то повышения. Начинать пришлось с самых низов, никому красные дипломы без опыта работы, как выяснилось, были не нужны. И мне, скажем честно, повезло устроиться на серьёзное предприятие, со всеми вытекающими отсюда бонусами в качестве полного социального пакета

и уверенности в завтрашнем дне. Уверенность заключалась в том, что работы у меня каждый день будет по самый подбородок, и зарплата будет, с выплатой дважды в месяц, а вот об особых льготах, бонусах в конце года, да и просто повышении оплаты труда, лишний раз раздумывать не стоит. Чтобы не расстраиваться. Но зато на работе меня ценили, уважали, начальник отдела ко мне прислушивался и ставил в пример, сгружая на меня особо срочные и сложные дела, в этом особое уважение, судя по всему, и заключалось. А о повышении я всё ещё продолжала мечтать. Особых перспектив после повышения тоже не было, но это стало бы компенсацией за все мои труды, старания, ответственность и переработки.

В общем, как и говорила Жанка: полная тоска.

Дома по-прежнему было тихо, Вовка ещё спал, чему я уже давно не удивлялась, привыкла за полгода его поисков себя. Вовка был моим женихом, наверное, так. По крайней мере, для себя я определяла наши с ним отношения именно в таком формате. Когда-то, не так давно, пока любимый не осел дома в грусти и растерянности из-за потери работы, мы собирались пожениться. Честно, собирались. Планировали, раздумывали о будущем, даже деньги начали откладывать на торжество и медовый месяц. Я очень хотела на Кубу, а удовольствие это не дешёвое. И вот мы копили, копили, планировали, я даже платье свадебное успела выбрать, хорошо хоть не купила, решила ещё повыбирать. Довыбиралась как раз до того момента, когда Вовку вдруг не по-

просили с работы. Он трудился старшим менеджером, казалось бы, в перспективной конторе по продаже компьютерной техники, и вдруг все их перспективы накрылись медным тазом. Офис и магазины закрылись, а люди остались без работы. Поначалу мы с Вовой, конечно, всерьёз растерялись, я пыталась поддерживать любимого человека, обнадеживала, и в какой-то момент он оживился, наполнился позитивным настроением, сказал:

– Да что я, работу не найду, Викуль? – В его голосе зазвучала уверенность и бравада, и я на тот момент вздохнула с облегчением. Но вот прошло полгода, а Вовка спит до обеда, а когда я в очередной раз поднимаю тему его трудоустройства, напускает на себя печальный вид и с лицом мученика отправляется к компьютеру, открывает сайт вакансий. Если честно, я уже устала засекаать, сколько именно минут он на нём проводит, прежде чем переключается на социальные сети или заходит в свою любимую игру. Ситуация, конечно, была неприятная, даже пугающая я бы сказала, но каждый раз выводить человека на конфликт, тоже не казалось мне хорошим способом решить проблему. Поэтому я всё ещё жила надеждой, что Вовке, в тридцать с небольшим лет, надоест проводить свою жизнь в четырёх стенах у компьютера, он, наконец, встряхнётся, и наша жизнь станет прежней. Когда мы оба работали, были чем-то заинтересованы, имели круг общения из коллег по работе и клиентов, что нам снова будет, чем поделиться друг с другом заужи-

ном, обсудить новости друг друга, над чем-то посмеяться. Пока же Вовка «искал себя».

Конечно, на одну мою зарплату не зажируешь, но мы, точнее, я, как-то справлялись, у родителей старались помощи, по крайней мере, финансовой, не просить. Жили мы на Вовкиной территории, в малогабаритной «двушке», доставшейся ему от бабушки в наследство. Хоть в этом повезло, не нужно тратиться на съемную квартиру. Во всяком случае, об этом мне напоминала Вовина мама, в последние месяцы практически при каждой встрече. Я воспринимала это, как попытку оправдать сына, его откровенное нежелание трудоустроиваться куда-либо.

– Что ты всё время жалуешься? – ворчала на меня Лидия Николаевна в последний свой визит в нашу квартиру. Каждый её приход ознаменовался проверкой чистоты и инспекцией нашего холодильника. Всё это она проделывала с каменным лицом. Ситуация мне, конечно, не нравилась, но спорить я не могла, в конце концов, квартира, в которой мы жили, по факту, была даже не Вовкина, по документам она принадлежала его матери, а уж та, прижимаясь к плечу высокого, широкоплечего сына, успокаивала его сладкими речами о том, что бумажки ничего не значат. Квартира его. Но выходило так, что хозяйкой здесь я себя не чувствовала, меня в любой момент могли проверить. – Вам что, денег не хватает? Квартира своя, продукты вам привозят, всё своё, не магазинное. Мы же с отцом не отказываемся помогать. Ты

когда в последний раз яйца или творог в магазине покупала? Забыла уж, наверное, что у них за вкус. На всём домашнем живёте. А всё жалуешься, всё считаешься.

– Я не считаюсь, – пыталась донести я до неё свою точку зрения. – Но Вове надо работать, Лидия Николаевна. Он дома совсем разучится общаться.

По правде, мне хотелось выразиться по-другому, сказать как есть: деградирует, отупеет. Но не говорить же такое матери, правда?

Лидия Николаевна махнула на меня рукой.

– Найдёт он работу. Как появится стоящая, так и найдёт.

Таким речам оставалось только удивляться. Как же он работу найдёт, если не ищет? Очень сомневаюсь, что какой-нибудь генеральный директор позвонит к нам домой и предложит Вовке должность его заместителя. С баснословной зарплатой.

Вот и сегодня мой герой спокойно спал. А ведь раньше в это время мы вместе с ним завтракали, после того, как я возвращалась с пробежки, а временами и душ принимали вместе, а после разъезжались по работам. Чтобы вечером встретиться дома. Если честно, я скучаю по тем временам. Я всегда с нетерпением ждала вечера, нашей встречи, совместного ужина, посиделок у телевизора. Всё это считается скукой и бытовухой, но мне было хорошо с тем Вовкой, было интересно что-то смотреть вместе, что-то узнавать. Теперь Вова со всеми своими интересами справлялся без меня,

за целый день у него было много времени, а я возвращалась вечерами с работы и спешила приготовить ужин. Вот только ужинать Вовка в последнее время полюбил у компьютера. Не нравились ему разговоры, которые я заводила. Про работу, про будущее, про перспективы. В социальных сетях его никто вопросами и проблемами не доставал.

Приняв душ, я включила чайник, нарезала бутербродов на завтрак, два завернула с собой на работу. Да, жить приходилось в режиме экономии, не тотальной, но каждодневные обеды в кафе пришлось исключить из своих привычек. Я не жаловалась, это было не столь важно, скорее уж беспокоило своими туманными прогнозами. Переодеваясь в спальне, я невольно поглядывала на постель, посматривала на спящего Вовку. Он лежал практически поперёк кровати, почувствовав свободу без моего присутствия рядом, обхватил руками мою подушку и умиленно сопел. За время бесконечного пребывания дома, без надобности постоянно и тщательно следить за своей внешностью, его волосы успели отрасти, и теперь любимый имел шикарную, вихрастую шевелюру, что, кстати, весьма ему шло. Надо сказать, что Вовка у меня симпатичный, некоторые девушки с уверенностью сказали бы, что он красив. Не брутальной, мужской красотой, его природа одарила ростом, широкими плечами, а ещё симпатичной физиономией с потрясающей, безалаберной и красивой улыбкой и сексуальным подбородком с милой ямочкой на нём, а ещё чистым взглядом и умением убеждать людей

в чём угодно. Вовка улыбался, смотрел в глаза и говорил, говорил, и самое главное – ему хотелось верить, он виделся людям таким своим парнем, правдивым и простодушным. А я всегда верила в него, до сих пор убеждала себя, что нужно верить, и всё непременно наладится. Вовка же у меня такой... Молодец-удалец во всех отношениях.

Вот только я рядом с ним сама себе казалась немного неуклюжей и тусклой. Вся моя юность и институтские годы прошли в обнимку с учебниками, и на таких парней, как Вовка я смотрела лишь издалека. Наблюдала за тем, как мои однокурсницы дружат с ними, тусуются, крутят романы. Меня в такие компании никогда не звали, я была слишком несмелой для их времяпрепровождения. И подумать не могла, что мне встретится «ночной хулиган», который обратит на меня внимание. Да ещё и жениться на мне захочет! Ничего удивительного, что я влюбилась в Вовку по уши, довольно быстро. Вот и сейчас, глядя на него спящего, несмотря на все свои тревоги, я им залюбовалась. Пусть на короткий момент, но это любование промелькнуло в моём сознании, от него стало приятно и жарко одновременно, и я в который раз решила, что всё не так уж плохо в нашей жизни. Просто я слишком привыкла к контролю над любой ситуацией, мне нужна была стабильность, уверенность в завтрашнем дне, а последние пару месяцев я это ощущение утратила. И это мне активно не нравилось.

Добиралась до работы я всегда автобусом. Ехать нужно

было через половину города, зато было время посмотреть в окно и подумать о чём-нибудь. Сегодня у меня из головы не шло то объявление на столбе. Я думала о пропавшей женщине, о том, что чувствуют её родственники, и невольно возвращалась в памяти к событиям десятилетней давности. Даже подивилась в какой-то момент тому, сколько же лет прошло. Как-то незаметно они пролетели, мы привыкли жить без Ксюши, настолько, что сумели свыкнуться с самой мыслью, что её уже и не будет. Что Ксения никогда не вернётся, и мы так и не узнаем, где она и что же с ней случилось. Жизнь семьи строилась уже без её участия, мнения и присутствия. Хотя, как строилась? Что-то, например, сломалось окончательно. Родители вот развелись, не смогли жить дальше вместе. В первые годы после исчезновения старшей дочери, мама настолько погрузилась в своё горе, жила только каждодневными ожиданиями – что Ксюша вернётся, что её отыщут, вернут домой и вот завтра, совершенно точно, уже завтра, она позвонит в дверь, и прежняя жизнь в наш дом вернётся. День проходил за днём, месяц за месяцем, даже год за годом, а сестра так и не возвращалась. Через два года папа не выдержал и ушёл из семьи. И даже совершенно искренне попросил у нас с мамой прощения за свой поступок. Стоял в дверях с чемоданом, морщился, мялся в нерешительности, затем сказал:

– Простите, – и вышел за дверь.

Мама его обвинила в слабости, в трусости, в наплеватель-

ском отношении к детям, и до сих пор не может простить отцу его уход. Они до сих пор не общаются, мама и слышать о бывшем муже ничего не хочет. А я? Он мой отец, это раз, а два, это то, что я не считаю его предателем. Что и кого он предал? Я прекрасно знаю, сколько сил, нервов и здоровья отец потратил на поиски и бесплотные надежды. В какой-то момент он не выдержал напряжения. И не потому, что иссяк, перестал ждать или разуверился в маминых словах, что Ксюша жива. Наверное, он просто понял, что жизнь продолжается. Хорошая она или плохая, лёгкая или сложная, но она продолжается. Сейчас отец живёт в новом браке, в одном городе со мной, и мы общаемся и встречаемся, я даже в гости иногда хожу в его новый дом, о чём мама, конечно, не в курсе. У папиной новой жены мальчишки-погодки, одному двенадцать, другому тринадцать лет, им, без сомнения, нужен мужской авторитет рядом, и отцу есть, чем заняться и на что отвлечься. В подружек мы с его новой пассией, Верой, не играем, считаем, что ни к чему, но женщина она добродушная, здравая, и временами мы спокойно общаемся, пьём чай и обсуждаем семейные вопросы. Папа всегда радуется моему приходу, думаю, каждая наша с ним встреча напоминает ему о нашем с Ксенией детстве. Как он с нами гулял, играл, как любил своих девочек. А потом что-то сломалось, кто-то повзрослел...

Мама после развода тоже решила поменять свою жизнь, хоть как-то. Как бы она не ругала отца за эгоизм и слабость,

его поступок всё же дал свои плоды, и она заставила себя встать со стула у кухонного окна, на котором, кажется, и провела последние пару лет, ожидая Ксениного возвращения. А, может, это были не перемены, иногда я думаю, что с уходом отца она окончательно потеряла надежду на счастливый исход. Она попросила у нас с отцом согласия на продажу нашей малогабаритной «трешки», отец оставил свою долю ей, не стал ничего делить при разводе. Квартира продалась достаточно быстро, а мама уехала из нашего города, пусть и совсем недалеко. В маленьком районном городке в получасе езды жила её сестра с семьёй. Городок был совсем крошечным, на пять тысяч жителей, с малюсенькой центральной площадью и старыми блочными пятиэтажками, а вокруг них плотным кольцом частный сектор. Там мама и поселилась, купила себе однокомнатную квартиру на окраине, совсем рядом с частным домом сестры, и жила скромно и экономно на оставшиеся от городской квартиры деньги. Несмотря на то, что мама попыталась что-то изменить в своей жизни, ясно было одно – радость и интерес к жизни она утратила. Мама и сейчас была совсем не старой женщиной, на пенсию ей лишь через пару лет, но она совершенно перестала улыбаться, что очень сказывалось на её характере, настроении и внешности. Она стала выглядеть старше своих лет, печальнее, мне это не нравилось, я даже разговаривать с ней об этом пыталась, но она меня не слушала. Мама живет своими взглядами и мыслями о настоящем и будущем.

Вот так беда меняет людей, в одночасье. Поэтому я и думала о родственниках той женщины. Врагу не пожелаешь такого испытания. Находиться в неведении, жив твой близкий человек, нужна ли ему твоя помощь, или его уже нет на этом свете. А ты всё думаешь о нём, будоражишь память о нём... делаешь себе больно этими воспоминаниями.

Моя сестра была очень звонким, ярким человеком. Такие, как Ксения, возбуждающие и будоражащие, волнующие и западающие в душу, легко не забываются. У мамы дома куча фотоальбомов из нашей с ней школьной поры, но процентов на восемьдесят они заполнены снимками Ксении. Она обожала фотографироваться, будто чувствовала, что кроме этих фотографий очень скоро о ней не останется других воспоминаний. На фото она улыбалась, смеялась, с понятным призывом смотрела в камеру. Ксюша любила пышно взбивать свои рыжие от природы волосы, прищуривала зеленые глаза и соблазнительно выпячивала полные губки. Если моя сестра и не обладала классической красотой, то она, без всякого сомнения, приковывала к себе взгляды. И не только мужские. На неё нельзя было не смотреть, она представала перед людьми этакой веселой ведьмочкой с невероятно симпатичным личиком. Я до сих пор помню её смех, помню её интонации, тембр голоса. Помню, как она делала себе причёску перед зеркалом в прихожей и учила меня краситься. Вот только...

Вот только, принимая тот факт, что человек потерян для

тебя в твоей реальной жизни, живя без него год за годом, ты порой начинаешь ловить себя на мысли, что вспоминаешь о нём только хорошее. Как вам было хорошо вместе, весело, какая замечательная семья у вас была. И понимаешь, что врѣшь самой себе. Да, всё было замечательно, ведь мы все были вместе. Мама, папа, я, Ксюша. Да и маму послушать, именно так всё и было, безоблачное каждодневное счастье. Но на самом деле, всё у нас было, как у всех. Среднестатистическая семья, со своими проблемами, трудностями, даже склоками и раздорами. И Ксения не была ангелом во плоти, какой сейчас её хочет перед всеми нашими общими воспоминаниями, выставить мама.

Если говорить честно, мы с сестрой не были так уж близки. Не ссорились без надобности, не дрались без повода, ничего особо не делили, но назвать нас лучшими подружками было нельзя. Просто потому, что между нами была довольно существенная разница. И в возрасте, и в характерах. Мы даже внешне не слишком друг на друга похожи. По крайней мере, в годы юности так казалось. Сейчас, глядя на фотографии сестры, я понимаю, что с возрастом сходство пришло. А десять лет назад я была лишь смущѣнным подростком, в очках и с рыжими хвостиками, на фоне своей яркой, почти взрослой старшей сестры. О какой душевной близости можно было говорить? Ксюша вечно подшучивала надо мной, давала советы свысока, предлагала бросить учебники в угол и выйти на улицу, найти, наконец, друзей или, хотя бы, подходя-

щую компанию. Она и краситься-то меня учила, чтобы доказать, что я совершенно не разбираюсь в жизни и в моде, что со своими повёрнутыми на математике мозгами, во всём остальном я отсталый человек. Мой скромный гардероб вечно подвергался её жесткой критике и насмешкам, а ей родители каждый месяц покупали новый наряд или обувь. Но мы с ней были сестрами, жили в одной комнате, вместе пили чай с конфетами вечерами и о чём-то разговаривали. Даже если наши разговоры заканчивались фырканием и возмущением. Это ведь норма подросткового поведения, общения, разве нет? Со временем мы обе должны были повзрослеть, найти общие точки взаимопонимания, интересов, наверное, начали бы общаться по-другому, и, возможно, стали бы по-настоящему дружны и близки. Но не случилось. И это вызывало настоящую горечь. По утраченному, по несбывшемуся.

Думаю, родителям стало бы куда легче, если бы они смогли похоронить старшую дочь, а не просыпаться каждую ночь с одним и тем же вопросом – где она, жива или мертва? Как бы ни ужасно это звучало, но ложные надежды, изматывающие мысли о том, что произошло на самом деле, убивают. Мою маму, по крайней мере, точно. Никому не пожелаешь такой участи. Я в течение нескольких лет, пока мы жили вместе, наблюдала за тем, как мама учится заново спать. Просто спать, чтобы не вскакивать несколько раз за ночь, чувствуя себя виноватой за то, что спит, за то, что устала ждать.

На планерку я успела в последний момент. За что удостоилась укоризненного взгляда начальника. Пришлось виновато улыбнуться, уткнуться взглядом в свои записи и постараться вникнуть в то, что говорило руководство. Все в большом кабинете сидели тихо, слушали московское начальство, неожиданно решившее нас навестить, а от оглашения плана работы на ближайшие пару месяцев, всё больше впадали в уныние. Я аккуратно поглядывала на лица коллег, и никакого воодушевления на них не наблюдала. Да ещё и нарвалась по окончании на устное замечание от начальника своего отдела.

– Вика, Захарова. Ты почему опаздываешь? С ума сошла в такой день?

– Руслан Борисович, так я же не опоздала, – принялась оправдываться я, идя рядом с ним по коридору.

Планерка, наконец, закончилась, и мой шеф тоже выглядел недовольным и вспотевшим. Нервно дёрнул узел галстука на шее, зачем-то решил надеть его, видимо, стараясь впечатлить московское руководство ответственным подходом к дресс-коду. Столичные начальники всегда появлялись перед нами, провинциалами, в строгих костюмах и при галстуках. И я знаю, что Руслан Борисович, мужчина солидной комплекции в возрасте под пятьдесят лет, перед ними всегда комплексовал. Уж не знаю, что взбрело ему в голову, но всеми силами пытался соответствовать. Может, кризис среднего возраста ещё до конца его не оставил?

– Я не опоздала, – повторила я, – успела вовремя.

– Да, когда часы пробили полночь, – недовольно пробормотал он.

Я лишь вздохнула.

– Автобус задержался. Что я могу поделаться?

Мы оказались перед дверями нашего отдела, начальник оглянулся на свой женский отряд экономистов, обзрел нас всех внимательным, придирчивым взглядом и посоветовал:

– Идите работать. Чует моё сердце, они ещё не всё проверили, точно к чему-нибудь придерутся. И, девочки, сделайте так, чтобы придирки были не в нашу сторону.

Обещать ему никто не стал, под козырёк не взял, Руслан Борисович ещё разок окинул нас взглядом, и отправился в свой кабинет.

Девчонки, с которыми я работала, а было нас всего трое – я, Света и Лена, чуть слышно фыркнули начальнику вслед.

– Можно подумать, мы без московского надзора не работаем. Только и делают, что пугают.

В нашем кабинетике, вмещающем три компьютерных стола и пару стеллажей для бумаг, царил практически домашняя обстановка. Цветы на подоконниках, небольшие картинки на стенах, что принесли из дома, чайник и узорчатая конфетница на специально отведённом месте. Даже часы на стене были не офисного формата, а с ракушками и морем под стеклом циферблата. Света привезла их из отпуска в прошлом году. По ним чётко сверялось время обеденного пе-

рерыва и коротких пауз на чай. В принципе, рабочая атмосфера у нас была приятная, с девчонками мы не ссорились, обязанности друг на друга не перекидывали, и друг другу перед начальством не подставляли. Единственное, что меня всерьёз расстраивало, это то, что я не видела впереди никаких перспектив. Конечно, приятно работать в дружном коллективе, когда можно и поболтать, и чем-то поделиться, и даже совета попросить, но мне двадцать семь лет, и я уже некоторое время всерьёз задавалась вопросом: а что же дальше? И ответа на него не находила. Было понятно, что я человек не рискованный, бросаться в омут с головой в поисках новой, более солидной должности я не стану, и поэтому буду работать здесь. В туманной надежде, что меня куда-нибудь повысят.

В общем, получалось, что я мечтаю подсидеть Руслана Борисовича. Хорошего, между прочим, человека. От самой себя неприятно.

– Решили с Лёшкой новую мебель в зал купить, – сообщила нам Лена, включив чайник и доставая чашки из шкафчика, вместо того, чтобы бросаться к компьютеру и погрузиться с головой в работу. И Лена, и Света были старше меня, обеим было хорошо за тридцать, обе замужние и с детьми. И ни о каких должностях, в отличие от меня, они не мечтали, их работа вполне устраивала. А я, стало быть, мечтала стать их начальницей, та, что пришла к ним девчонкой без опыта, хоть и из хорошего ВУЗа, и с красным дипломом. Иногда я

ловила себя на этих мыслях, и мне становилось неловко.

– А старую куда? – живо поинтересовалась Света. Девчонки обожали обсуждать свою семейную жизнь, планы, проблемы. Кажется, именно за этим они на работу каждый день и приходили, чтобы вынести свою семейную идиллию в люди, похвастаться. Хотя, хвастаться особо было нечем, жили как все. Зачастую с проблемами и от зарплаты до зарплаты. Но когда можно было рассказать что-то хорошее, буквально светились от гордости. Я за них радовалась, а о своей жизни с Вовкой старалась не распространяться. По крайней мере, проблемами и переживаниями не делилась. Наверное, потому, что не хотела советов. Я и сама знала, как лучше, как надо, но достичь этого у меня не получалось. Так какой смысл от разговоров на работе?

– Свекрам отдадим, – ответила Лена. Открыла сумку, что-то в ней искала, затем из недр появился цветной мебельный каталог. Лена указала на что-то пальцем. – Вот, такую стенку выбрали. Вика, иди, посмотри.

Я спорить не стала, из-за стола поднялась и подошла. Лена со Светой принялись активно обсуждать представленную в каталоге мебель, Лена живописала, как выбранная стенка встанет в их комнате, какой цвет подойдет к обоям и куда они поставят телевизор. Я тоже в каталог заглянула, с интересом. Уже собиралась похвалить сделанный выбор, потом заметила логотип мебельной компании в верхнем углу страницы. Красивые вензеля и буквы, складывающиеся в назва-

ние: Веклер.

Что за день-то такой?

Я дослушала восторги Лены по поводу качества мебели этого производителя, после чего заметила:

– Это же московская фабрика. Не дорого доставка выйдет?

Лена разлила чай, и пока тот остывал, равнодушно пожала плечами.

– Не знаю. Лёша сказал, что в нашем городе будут изготавливать. Мы уже и замерщика с фабрики вызывали.

– В нашем городе? – переспросила я.

– Ну да.

– Так они же, кажется, в нашем городе и были? – удивилась Света. – Я же помню их магазины, у них многие мебель покупали. Лет десять назад. У мамы моей спальня гарнитур их производства был. Красивый, кстати. На даче сейчас у нас стоит, под старину.

– Были, потом уехали, – сказала я. В горле странно запершило, я забрала свою чашку с чаем и вернулась за свой стол. Меня накрыла неприятная нервозность. Принялась переключать бумагу с места на место. Выдохнула.

На самом деле, очень странный день. Очень тревожный.

У семьи Веклер было мебельное производство в нашем городе, достаточно много лет. Когда-то Роман Веклер выкупил старую, полуразрушенную фабрику в пригороде, это было ещё в начале нулевых, он одним из первых в нашем го-

роде занялся мебельным производством в широких масштабах. Понятия не имею, сколько ему это стоило и откуда у их семьи деньги, я и Романа Веклера-то лишь пару раз видела мельком, и мебель мы никогда в их магазинах не покупали. Но фамилия и часть семьи мне были хорошо знакомы. Всё дело в том, что Ксения встречалась с младшим сыном Романа Артуровича, Григорием. И именно его правоохранительные органы в первый момент заподозрили в причастности к исчезновению моей сестры. Но как заподозрили, так и сняли всяческие подозрения уже через пару недель, после её пропажи. Сообщили моим родителям, что Григорий точно не причём. Мол, у него алиби, и, вообще, у него нет никаких поводов желать Ксении плохого. По мне, так глупость совершеннейшая. А ещё казалось крайне подозрительным то обстоятельство, что меньше, чем через год, семья Веклер полным составом покинула наш город. Озвучивалась официальная версия, что они выкупили производственные помещения в Подмосковье и расширяют бизнес, переводят его в столицу, но я была уверена, что без Гришки не обошлось. Он что-то натворил...

Дело в том, что Ксения и Гришка Веклер были идеальной парой. Не в том смысле, что безумно друг друга любили, понимали и собирались всю жизнь прожить вместе. Нет, они были схожи взрывными темпераментами. Григорий был из обеспеченной семьи, никогда этого не скрывал, он всегда был при деньгах, а самое главное, при настроении что-ни-

будь отчудить или отпраздновать. Они с Ксюшей и познакомились в ночном клубе. Звезды их свели, не меньше. Взрывные и опасные.

До Гришки у Ксении было много ухажёров, пару раз начинались вполне серьёзные, как всем казалось, отношения. И молодые люди были приятные, серьёзные, не хулиганы и не бездельники. Но все они были, так сказать, нашего круга. Схожего с нами воспитания, достатка. Звезд с неба не хватало и воображение не поражали. Об этом я уже слышала от старшей сестры, которая через какое-то время принималась скучать, вздыхать и томиться. Но никто на её томление особо внимания не обращал. Родители были уверены, что придёт момент, когда Ксюша встретит своего единственного, выйдет замуж и успокоится. А на тот момент ей было восемнадцать, девятнадцать лет. Самый возраст повеселиться, попытаться найти себя и свою любовь. Времени у неё впереди было достаточно. А затем она познакомилась с Григорием Веклером. Между ними была двухлетняя разница в возрасте и социально-финансовая пропасть. Зато моя сестра не на шутку влюбилась. Говорила бесконечно о том, что, наконец, она встретила настоящего мужчину, симпатичного, умного, а, главное, её понимающего, но даже я, в свои шестнадцать лет, довольно быстро пришла к мысли, что главное располагающее качество в Григории, для Ксении оказалось в том, что он мог позволить себе её баловать. У него всегда было достаточно денег, времени на неё, окончив инсти-

тут, он не торопился устраиваться на работу. Просто потому, что необходимости в этом не видел. В конце концов, родитель определил для него некую должность на производстве, но Гришка вряд ли часто вспоминал о том, что он где-то и за чем-то трудоустроен.

Я помню его достаточно хорошо. Хотя, у нас в доме он появлялся нечасто, не видел смысла и оснований. Даже с моими родителями познакомился как бы случайно, когда привёз Ксюшу с очередной вечеринки, что они провели у кого-то на даче в пригороде. Ксения была не совсем в форме, и Григорию пришлось проводить её до квартиры. Сдать на руки родителям. При этом он сам насмешливо кривился, не испытывал никакого смущения или желания знакомиться, он, вообще, всё в жизни делал шутя, и всех вокруг призывал не напрягаться. Понятно, что родителям он не понравился.

А вот Ксюша была от него в восторге. Она, на самом деле, влюбилась в него, и неважно, по каким именно причинам. Но их отношения продлились почти полтора года, до самого её исчезновения. Они с Гришкой часто ссорились, ругались, затем мирились и исчезали куда-то на несколько дней, для того, чтобы повеселиться и расслабиться. Родители пытались с Ксеньей поговорить, убедить её в том, что такой образ жизни, когда кроме веселья тебя ничего не интересует, неправильный, но, по факту, им нечего было противопоставить и сказать в защиту своего мнения. На фоне веселья и периодических загулов, Ксения продолжала учиться в инсти-

туте, сдавала сессии, причём без особых проблем. В какой-то момент даже устроилась на подработку, помощником менеджера зала в один из магазинов Веклера. Конечно, с трудоустройством ей помог Григорий, но Ксюша светилась от гордости, когда после работы сын хозяина подруливал к крыльцу магазина на своей новенькой машине, и с шиком увозил её прочь. Гриша баловал её подарками, пусть и недорогими, покупал бижутерию или туфли, выдавал деньги на косметолога и парикмахера. Правда, давал тогда, когда они у него были, любил Гриша шикануть напоказ. Но деньги у него водились не всегда, он много тратил на развлечения и друзей, имидж «золотого мальчика» нужно было поддерживать. А когда тебе уже за двадцать, просить у родителей было затруднительно. Не потому что стыдно и неловко, а потому что уже не всегда давали. Гриша не раз попадал в неприятности, в разные переделки, даже в полицию его забирали, и со всем этим приходилось разбираться его отцу и старшему брату. После таких ЧП, обычно возлюбленный сестры пропадал из вида на некоторое время, и я помню, как Ксюша переживала и томилась, даже плакала временами. А всё потому, что в такие дни не могла получить никакую информацию, в дом Веклеров её не допускали. Семья Григория давно сделала вывод, что девушка сына, если она всерьёз считалась его девушкой, такая же ходячая неприятность, как и он сам. Понятно, что они хотели видеть рядом с младшим сыном ту, что его образумит, успокоит, а не кинется с ним на пару

в безрассудство и веселье с головой. И поэтому существование Ксении было принято игнорировать. Её не принимали в доме, с ней не общались даже по телефону. А она сама не теряла надежду, что когда Гриша сделает ей предложение, то его семья вынуждена будет принять её.

– Тогда они у меня ещё прощения попросят, – повторяла Ксения не единожды. Я помню эти её слова, тусклую улыбку в этот момент и отчаянный тон.

Наверное, она всё-таки любила Гришку. Раз так держалась за него. И беспокоилась тоже.

Но ругались они часто и горячо. Об этом я тоже знаю. Ксения ревновала, устраивала Гришке разносы, когда он пропадал на несколько дней, даже шпионила и следила за ним, пытаясь высмотреть рядом с ним соперницу. Уверена, что ей это удавалось, и не раз, но они каждый раз мирились, снова сходились, и всё начиналось заново. Кажется, сестра всерьёз вознамерилась женить на себе Григория Веклера. Мне было шестнадцать, едва исполнилось семнадцать, когда она пропала. Я наблюдала за их отношениями со стороны, через призму подростковой неловкости и непонимания, для чего нужны такие эмоциональные взрывы, как можно жить в бесконечном ажиотаже. Отгораживалась от всего происходящего учебниками, а потом Ксения пропала.

Я готовилась к вступительным экзаменам, и не слишком следила за происходящими событиями, но родители говорят, что за несколько дней до исчезновения, Ксения и Гриш-

ка снова поругались. Мама слышала, как дочь плакала, запершись в ванной, она увещевала её через дверь, просила не расстраиваться, как обычно, обещала, что всё наладится, и на её пути встретится настоящий мужчина. Ксюша огрызалась в ответ и просила оставить её в покое. Обвинила их с отцом в том, что они никогда не любили Гришу. А его родители не любят её. В общем, все против них, поэтому они и между собой ругаются. Эти слова произносились в нашем доме не раз, и не два, и слёзы сестры носили временный характер, и через пару дней она, на самом деле, повеселела. Вот только с родителями своей радостью делиться не спешила. Мама говорит, что собралась, накрасилась, сказала, что собирается встретиться с подружками, и вернётся, скорее всего, завтра утром. И больше мы Ксению не видели.

Она ушла из дома с косметичкой и паспортом. Разве так люди из дома сбегают? Да и не было у неё причины убегать. Ксения была взрослым, совершеннолетним человеком, и давно перестала прислушиваться к мнению родителей по поводу того, идти ли ей куда и с кем встречаться. Через двое суток обратились в полицию. Обратились раньше, но они всё советовали подождать, так прошло два дня. Мы ждали, а сестра не возвращалась. Отец сумел связаться с Веклерами, но встречаться с ним никто не стал, по телефону заверили, что Ксении в их доме нет и не было, а вот Григорий дома, и никуда не отлучался. Трудно поверить в то, что Григорий Веклер вдруг превратился в домоседа, согла-

ситесь? Но Веклеры активно продвигали эту версию, всячески отказываясь вникать в исчезновение девушки младшего сына. Да и сам Гришка пропал с нашего горизонта, я никогда с ним больше не встречалась.

Какое-то время Ксению активно разыскивали, я лично несколько месяцев расклеивала объявления с просьбой помочь в поисках молодой девушки. Но никаких вестей о её местонахождении не было. Она будто растаяла в воздухе. За первый год я строила одну догадку за другой, и, если честно, то ждала, что сестра позвонит родителям. Что-нибудь скажет, хотя бы подтвердит, что жива. Ведь если не звонит, значит, не волнуется за родителей, не переживает за свой поступок... значит, мертва? А потом стало известно о том, что Веклеры сворачивают производство в нашем городе и уезжают. Это показалось безумно подозрительным, и мне, и родителям. Но к кому было идти со своими подозрениями? В полиции понимающе кивали, разводили руками в бессилии, а, на самом деле, не чаяли от нас избавиться. Ничего они проверить не собирались, и докапываться до правды тоже. Послушав пару раз беседу следователя с родителями, я пришла к выводу, что правоохранительные органы уверены в том, что Ксения попросту сбежала. На вопросы: куда и зачем ей сбежать, отвечать никто не собирался.

Так прошло десять лет. И теперь я узнаю, что Веклеры возвращаются в город. Что, интересно, это значит?

И значит ли, вообще?

ГЛАВА 2

Для полноты ощущений этого дня, вечером мне позвонила мама. Она не часто звонила мне сама, и каждый её звонок вызывал тревогу, ожидать можно было чего угодно. Я как раз подходила к дому, остановилась, чтобы поговорить с ней. Делать этого при Вовке не хотелось, они с мамой друг друга откровенно недолюбливали. Мой парень считал, что моя мать не в себе, и оттого не спешил принимать её, её проблемы и просьбы всерьёз, а мама на это обижалась, и в ответ, в глаза и за глаза, называла Вовку нахлебником. Не всегда, конечно, но та ситуация, когда я каждый день хожу на работу и содержу чужого, по её мнению, мужика, её не устраивала.

– Я тебя не так воспитывала, – каждый раз говорила мне мама. – Быть зависимой от мужчины, конечно, плохо, но быть душой, Вика, куда хуже. Задумайся об этом.

Я задумывалась, но с мамой эту тему не обсуждала. Ждать от неё объективности не приходилось.

Я ответила на звонок и сходу поинтересовалась:

– Да, мама, я тебя слушаю. Что-то случилось?

– Ты давно мне не звонила. Хотела спросить у тебя, не случилось ли чего? – Голос матери звучал сдержанно и с ноткой огорчения.

– У меня всё в порядке, – заверила я. – Просто конец квартала, отчёты, сама понимаешь.

– Понимаю, – проговорила она.

Мы обе вдруг замолчали, как будто нам нечего было сказать друг другу. Но, самое ужасное, что я приходила к мысли, что, на самом деле, нечего. Обычно мама либо отчитывала меня за то, что я всё делаю не так, что личная жизнь у меня не складывается, либо заговаривала о Ксении. Оставалось только подождать, по какому сценарию сюжет будет развиваться сегодня.

– Мне сегодня Ксюша приснилась, – проговорила она после паузы. Я прикрыла глаза, радуясь тому, что мама не может меня видеть в этот момент. Моя реакция, если она считала, что я отвергаю или отказываюсь воспринимать память о сестре, вызывала у мамы приступ злости или слёз. А то и всё это вместе. Переносить её горестное состояние месяцами, годами, было очень тяжело. Поэтому я и не судила отца за его поступок. Жить в окружении памяти о сестре невыносимо.

Я присела на край лавки у подъезда. Обхватила руками свою объемную сумку. А в трубку произнесла:

– Надеюсь, это был хороший сон.

– Она не часто мне снится, не часто даёт увидеть себя. – Порой мама путалась, и не могла конкретно объяснить, как воспринимает исчезновение старшей дочери – жива она для неё, ждёт ли она её возвращения, или всё-таки Ксюши, в её понимании, больше нет. Когда она ей снилась – вроде бы приходила к ней повидаться, а когда она о ней говорила

днём – то как о живой. – Но в этот раз она была очень красивой, в белом платье, как в свадебном... Наверное, она бы вышла замуж за того молодого человека, как думаешь, Вика?

Вступать с мамой в диалог было необдуманно с моей стороны. Мы всё это уже проходили и не раз, переговорили сотни раз, ругались, что-то доказывая друг другу, и всё заканчивалось тем, что я бессердечная, а мама заливалась слезами. Поэтому в последние годы я научилась молча слушать её, стараться не принимать близко к сердцу все её рассказы, и уж точно не спорить. Но намёк на Ксенину свадьбу с Григорием Веклером именно сегодня здорово ударило по нервам, и без того натянутым целый день.

С мамой я проговорила недолго, ей нужно было лишь рассказать мне свой сон, пожаловаться, поговорить о Ксюше, мне хватило и тех минут, что наш с ней тягостный разговор продлился. Я её выслушала, вслух понадеялась, что ей стало легче, и сегодня она спокойно уснёт, и, как примерная дочь, попросила звонить в любой момент.

– Ты могла бы и навестить меня, – обиженно проговорила мама напоследок. – Давно не была. Как будто ехать так уж далеко.

– Я знаю, мама, – повинулась я. – И я обязательно приеду. Либо в выходные, либо в отпуске. Мне обещают дать отпуск через пару недель.

Она печально вздохнула в трубку.

– Только обещаешь. От своего лоботряса никак не ото-

рвёшься. А со мной что? Со мной скучно. Я превратилась в сумасшедшую старуху.

– Мама, ну что ты?..

Сами понимаете, закончив разговор, я чувствовала себя так, будто меня морально выжали. Чувствовала себя виноватой. За то, что мне, на самом деле, нелегко разговаривать с собственной матерью, а ещё за то, что никак не могу выделить день на то, чтобы съездить к ней в гости. Наверное, потому, что знаю – у неё всё в порядке. Её сестра за ней приглядывает, да и мама не старый больной человек, она вполне способна о себе позаботиться. И внимания она требует не для себя, а, чтобы поговорить о старшей дочери. Я прекрасно знала, что мой очередной визит к ней в гости пройдёт так же, как и остальные – за разговорами о Ксении и за просмотром её фотографий. Мои новости маму не слишком интересовали, наоборот, будто расстраивали. Потому что у меня что-то происходит в жизни, пусть и то, что её не устраивает, а вот Ксюши нет. Иногда мне казалось, что она меня за это винит, пусть и неосознанно.

– Ты чего так долго? – Вовка встретил меня в прихожей. В любимой футболке, в шортах и босой. Стоял передо мной и хмурил свой красивый лоб под вихрастой челкой.

– У подъезда сидела, – сказала я честно, – с мамой говорила.

Вовка чуть слышно фыркнул. Не пренебрежительно, нет, но как-то недовольно.

– Ясно. А я тебя жду, жду...

– А зачем ты меня ждёшь? – проявила я любопытство. Обычно Вова если меня и ждал, то у компьютера, не отвлекаясь от процесса игры.

А сегодня, после моего вопроса, он вдруг загадочно разубался. Шагнул ко мне и положил тяжёлые руки на плечи. Наклонился, чтобы заглянуть в глаза.

– Викуля, у меня хорошее настроение. Давай отпразднуем?

Мои брови невольно взлетели вверх. Хотелось бы сказать, что в удивлении и ожидании, но, на самом деле, я насторожилась.

– А по какому поводу у тебя хорошее настроение?

Вовка выдал свою шикарную, белоснежную улыбку.

– По-особенному, – обрадовал он меня и даже в нос чмокнул. Затем потянул за собой из прихожей. – Пойдём, у меня для тебя сюрприз.

Звучало интересно. Я успела сунуть ноги в свои пушистые тапочки, и шагнула вслед за Вовкой в кухонный коридор. Хотя, какой это коридор, три нешироких шага, и он закончился. Свет на маленькой кухне был выключен, зато на накрытом столе горели свечи. Свечи горели, тарелки расставлены, бокалы для вина сияют. Рядом, на самом деле, стояла бутылка вина, а вот из еды коробка с пиццей.

– Та-дам, – торжественно выдал Вовка, продолжая стискивать меня одной рукой за плечи. Глянул на меня горящи-

ми глазами. – Я молодец? Скажи, что я молодец!

Я кивнула.

– Молодец. Мне хоть ужин не готовить.

– Во-от. Я обо всём подумал. А ты на меня ругаешься.

Вино, пицца. В моём бюджете на последнюю неделю до зарплаты, эти траты предусмотрены не были. Я подумала об этом, и тут же мысленно себя отругала. Не нужно быть столь продуманной и скучной. Вовка решил мне приятное сделать, как сумел, так и постарался. А я деньгами всё меряю. Неправильно это.

Поэтому я решительно откинула заботы о нашем зыбком материальном положении, улыбнулась, как можно радостнее и благодарнее, и решила присесть за стол. Но Вовка вдруг дёрнул меня за руку. Запротестовал:

– Нет, не садись, не садись. Сначала я тебе кое-что покажу. Ты же должна понимать, что мы празднуем.

Он на самом деле выглядел довольным, даже счастливым. Не переставал улыбаться, теребить меня, подвёл меня к кухонному окну. И сказал:

– Вот, смотри!

Я смотрела. Окинула взглядом знакомый двор, по которому несколько минут назад прошла. Ничего интересного не заметила, и решила поинтересоваться:

– Вов, куда именно смотреть?

Вовка вздохнул напоказ, затем засмеялся.

– Глупенькая. Вниз смотри. Видишь, синенькая стоит?

– Что стоит?.. – автоматически переспросила я, и тут мой взгляд упёрся в машину, синие бока которой сверкали новизной. И сверкания эти будто кричали: я только из салона, зацени! Седан, с высоты четвёртого этажа я не видела, что именно за марка автомобиля, но на автомобиль отечественного производства похоже не было. Даже с моим плохим зрением, в очках или без очков, я определила, что этот «сюрприз» обойдётся нам дорого. Я глупо таращилась на машину, после чего нервно кашлянула. И поинтересовалась: – Откуда?

Вовка убрал руки с моих плеч, и я смогла повернуться, посмотреть в его довольную физиономию. А он гордо сообщил:

– Купил! Клёвая, правда? «Солярис», нулевой! – И опять гордый кивок головы.

Машина у нас уже была. Когда мы с Вовкой познакомились, у него была вполне приличная машина, пусть и пятилетка, но ездила исправно, и почти не ломалась. А после потери работы, когда стало ясно, что мы попали в финансовые затруднения, и решаться они не спешат, машину Вова продал. Скрепя сердцем, сжав зубы, он почти плакал, когда подписывал документы о продаже. Он расстался с автомобилем, но на тот момент выбора другого не было. Просто потому, что, получая ежемесячно приличную зарплату, Вова не привык особо задумываться о деньгах. А когда ему чего-то хотелось, он брал кредит. Ежемесячные платежи не вносили

особых дыр в наш с ним бюджет, и я никогда не беспокоилась о долгах и неприятностях, которые они могут с собой принести. Вовка все свои прихоти оплачивал сам, я ни о чем не переживала, а потом вдруг оказалось, что у него целых пять – пять! – действующих кредитных договоров. Парочка мелких, таких, как телефон и ноутбук, большой телевизор, потом выяснилось, что он брал кредит на наш с ним отпуск в Доминикане, подарок на нашу с ним годовщину, хотя клялся мне, что денег накопил. Плюс ко всему на нём висел потребительский кредит, взятый им на ремонт в доме родителей, и сумма там была немаленькая. И оплачивал его он.

– Это же мои родители, – развёл он тогда руками и посмотрел на меня в полном недоумении. – Я у них один, я что, должен был с них деньги брать?

В итоге, денег от продажи его ненового автомобиля, едва хватило на оплату подвисших кредитов и пенни. Но всё-таки избавиться от выплат и долгов показалось мне в тот момент облегчением. Только поэтому мы все эти месяцы сводили концы с концами, потому что не было лишних трат. А вот теперь он мне гордо демонстрирует новую машину под окном.

– Что значит, ты её купил? – переспросила я. – Ты снова кредит взял?

Его красивая, широкая улыбка померкла. И взгляд, обращённый ко мне, стал недовольным.

– Вик, не начинай.

– Что значит, не начинай? – Я вновь посмотрела на машину, и понимала, что начинаю впадать в панику. А Вовка тем временем на меня с обидой накинулся.

– Вот ты всегда так! Даже не выслушаешь толком! А я тебя порадовать хотел... Смотри, стол для тебя накрыл! А ты сразу меня отчитывать, как школьника. А я не школьник, поняла? Я всё отлично соображаю. Я взрослый мужик, и, если помнишь, и до встречи с тобой как-то жил! Не тужил. – Он отошёл от меня, сел за стол и откинул крышку на коробке с пищей. Подцепил один кусок и потянул его в рот, но было заметно, что Вовка всерьёз раздражён. На меня поглядывал с укором и обидой.

– Вова, у нас нет денег машины покупать, – попыталась донести я до него. Сказала это и развела руками. – У нас, вообще, денег нет.

– Ты опять, опять? – Он жевал и смотрел на меня с гневом. – Упрекаешь меня в том, что я не работаю!

– Я не упрекаю, – возразила я. – Но денег на кредит за машину у нас нет, – твердо добавила я.

– Может, ты выслушаешь для начала? – Вова бросил недоёденный кусок пиццы на тарелку, облизал пальцы. – Что за манера сразу впадать в панику?

– Я не впадаю в панику, я пытаюсь тебе объяснить...

– И я пытаюсь тебе объяснить! А ты не слушаешь, только всё портишь!

От этих слов стало обидно. И я замолчала. Сложила руки

на груди, на Вовку смотрела с ожиданием.

– На половину машины родители денег дали. Я же платил за них тогда кредит, вот они решили нам, так сказать, вернуть долг. А мне нужна машина, я не могу без машины, Вика!

– И куда ты будешь на ней ездить? – поинтересовалась я. – К родителям в гости?

Он скривился.

– Вот почему ты такая злая? – упрекнул он меня. – Хотя бы и к ним. А ещё на собеседования. Как, скажи мне, можно найти нормальную работу, когда ты приезжаешь на собеседование на автобусе?

Я плечами пожала.

– Я же нашла.

– Да ты сразу после института туда устроилась, на свой завод. Туда все на автобусах ездят, как ещё-то?

– Этот завод, Вова, нас с тобой кормит.

– Да устраюсь я на работу, устраюсь! – завопил он. – Меня Севка к себе зовёт давным-давно, пойду к нему, если уж совсем припрёт. Буду окна пластиковые продавать, лишь бы ты была спокойна и довольна. И за машину буду сам платить!

Ничем толковым наш с ним разговор не закончился. А позже ещё и Лидия Николаевна позвонила, видимо, хотела в деталях узнать, как сильно я обрадовалась «сюрпризу», и Вова, конечно, матери пожаловался. Я сидела на кухне, успев переодеться в домашний костюм, грызла пиццу, смот-

рела в окно, в сумерки, и с тоской прислушивалась к телефонному разговору любимого с мамой. В какой-то момент он даже сунул мне трубку в руку, пришлось приложить её к уху.

– Вика, ты что, – запричитала моя будущая свекровь, – мы с отцом так старались, деньги копили, а ты недовольна?

– Лидия Николаевна, дело не в том, что я недовольна, – попробовала я донести до неё суть вопроса, – а в том, что у нас нет денег выплачивать даже половину стоимости этой машины. Их просто нет.

– Будут, – уверенно перебила она меня. – Вова сейчас какую угодно работу найдёт. Вот посмотришь. А пока мы можем, как всегда, кстати. Холодильник вам забьём, вот Вова как раз приедет и всё привезёт. Мы же с отцом всегда помогаем, тебе ли жаловаться? Мы никогда вас с Вовой не бросаем в трудной ситуации. А вот твоим родителям совершенно наплевать, что вы едите и где живёте.

На эти претензии у меня никогда не находилось ответов. Что я могла сказать? Что с удовольствием обошлась бы без их «родительской поддержки»? Что она кажется мне назойливой и навязчивой? Что их родительская помощь позволяет их великовозрастному сыну проявлять все признаки инфантильности? Без всяких зазрений совести. Да, именно так мне и кажется. Вот только в отсутствие у Вовки работы, мы, на самом деле, без поддержки не проживём. Вот и приходится мириться, приходится быть благодарной. И понятно, что

никуда мне от этой машины не деться. А Вовка, стоя рядом и слушая наш с Лидией Николаевной разговор, выглядел победителем. Понял, что я сдалась. А позже, когда мы уже легли спать, сказал:

– Странная ты, Вика. Другая бы на твоём месте радовалась. Машина в семье появилась, да ещё, считай, с пятидесятипроцентной скидкой.

Скидке я особо радовалась, добавить нечего.

После утренней пробежки, я снова у подъезда встрети-лась с Жанной. Это был наш каждодневный с ней ритуал. Мы встречались по утрам, болтали недолго, а по выходным поднимались к ней и пили кофе с печеньем. Сегодня мне кофе пить было некогда, а пожаловаться хотелось. Я стояла, смотрела на новенький синий «хёндай» и жаловалась подру-ге на то, что, судя по всему, есть нам скоро будет не на что.

– А сколько платить? – спросила Жанка, тоже разглядывая наше новое семейное приобретение.

– Это мне предстоит выяснить. Но я с утра глянула цены в интернете. Они меня совсем не порадовали.

– Можно было взять не новую... – несмело проговорила Жанна. Я после этих слов многозначительно на неё глянула. Соседка вздохнула, а мне сказала в качестве поддержки: – Ладно, не расстраивайся, всё как-нибудь утрясется. Может, Вовка и, правда, на этой машине работу найдёт?

– Может, – согласилась я. – Или станет кататься к маме с папой за банками с закрутками и картошкой. А что, непло-

хое обеспечение семьи продуктами. С голода не умрём.

Жанна наклонилась, взяла Бубуню на руки, а сама усмехнулась.

– Вот только любимому ты этого не скажешь, тем более, в таком тоне. Это со мной можно позлорадствовать.

В ответ на это справедливое, надо сказать, замечание, я трусливо промолчала. А Жанна, когда мы прощались с ней в подъезде, вдруг предложила:

– Почему бы тебе не получить права? По крайней мере, не так обидно будет за машинку платить.

Хм. Об этом я не думала. Хотя, сомневаюсь, что мне позволят сесть за руль. Я даже представила лица Вовы и его родителей, их наполненные ужасом глаза. Даже вроде услышала голос Лидии Николаевны:

– Ты с ума сошла, Вика! Разве это женское дело?

К моему удивлению, вернувшись домой, я застала Вовку на кухне, попивающим кофе и жующим бутерброд. Уже привыкла, что по утрам мы не встречаемся, что он спит едва ли не до обеда, утомившийся компьютерными боями и войнами. А вчера, на фоне ссоры и общих несогласий, спать он лёг вместе со мной, наверное, для того, чтобы демонстративно повернуться ко мне спиной, и вот посмотрите – на часах семь утра, а он бодр и готов к подвигам. Хотя, может, и не готов, это я так уж, для красного словца.

– Как пробежка?

– Хорошо. – Я заставила себя улыбнуться. Улыбнуться

и не спрашивать его о выплатах за машину. Хотя, меня это сильно, очень сильно интересовало. – Пойду в душ, – сказала я ему.

Вовка выдал лихую ухмылку.

– Хочешь, я с тобой пойду?

Наверное, я должна была соблазниться. Но улыбка так и застыла у меня на губах. Попыталась найти вескую причину для отказа, чтобы ему не пришло в голову обидеться.

– Мне нельзя опаздывать на работу. У нас московская проверка.

Вовка немного скис, но не так сильно, как бы мне хотелось, чтобы полить своё самолюбие бальзамом.

– Что ж, ладно. Перенесем на выходные.

– Самое лучшее решение, – согласилась я.

И всё равно из дома я вышла позже обычного, на пятнадцать минут. Что было просто катастрофой. Привыкла, что по утрам Вовка не мешает мне собираться, ни своим присутствием, ни лишними разговорами. Я приходила с пробежки, принимала душ, наспех завтракала, переодевалась и выходила из квартиры. Чтобы успеть на автобус. Всегда и успевала. А вот сегодня не вышло.

– Давай я тебя отвезу, – просиял любимый. – У нас же теперь машина есть!

Я обувалась в прихожей, сунула ноги в туфли на каблучках. От предложения его решительно отказалась.

– Не стоит. Простоять в пробке я могу и на автобусе. Быст-

рее всё равно не приеду.

Вовка вышел ко мне в коридор, смотрел на меня расстроенно, будто большой ребёнок. С претензией и укором. И даже сказал:

– Вечно всё портишь.

Я замерла с сумкой в руках. Посмотрела на него.

– Почему ты так говоришь?

– А разве я не прав? Неужели нельзя просто порадоваться?

– Я порадуюсь, когда мне не придётся думать о том, чем платить за эту машину.

– Ну, вот ты опять!..

– Вова, перестань вести себя, как ребёнок, – не выдержала я. – Я ведь знаю, что ты сам всё прекрасно понимаешь. Просто сейчас ты не хочешь думать о проблемах. А они есть, и никуда не делись. И не денутся, к сожалению. И если мы не заплатим следующий взнос, то через месяц-другой машинки у тебя не будет.

– Мне не нравится то, какой ты стала, – заявил он. – Скупой и злой.

Эти слова прозвучали будто пощёчина, но я лишь голову выше вскинула.

– А мне не нравится, каким стал ты, – проговорила я. Окинула его взглядом. – Ты из маек с шортами уже не вылезает. И из дома почти не выходишь. Я переживаю за тебя, Вова.

Плодотворно прошло утро, не правда ли? Я выскочила

из квартиры, сбежала вниз по ступенькам, вышла из подъезда, и тогда уже позволила себе всхлипнуть от обиды и смахнуть слёзы. Явиться на работу с красными от слёз глазами и поплывшим макияжем было бы совершенно неуместно.

На работу я опоздала. Пусть всего на семь минут, но тоже неприятно, особенно, если моё опоздание будет замечено. До кабинета я буквально бежала, не забывая сбавлять шаг и улыбаться, попадающимся мне встреч людям. Чтобы они не думали, что я тороплюсь и опаздываю. Влетела в кабинет и поспешила прикрыть за собой дверь.

– Привет, девочки.

– Вик, ты чего, звонить уже хотели!

– Автобус опоздал, – соврала я. Села на свой стул, откатилась на нём назад и сунула сумку в нижний ящик стола. Ну вот, я на работе. Нажала на кнопку включения компьютера, облегчённо выдохнула, и в этот момент дверь кабинета открылась, и показался Руслан Борисович. Снова при галстукке, какой-то беспокойный и с недовольно поджатыми губами. Остановился в дверях, окинул внимательным взглядом наш кабинет, засмотрелся на электрический чайник на подоконнике и вазочку с печеньем, и шикнул на Свету, что сидела к этому беспределу ближе всех:

– Спрячь.

Та тоже недовольно поморщилась и даже пробормотала себе под нос что-то вроде:

– Подумаешь... – Но потянулась к нарушениям порядка,

выявленным начальством. А Руслан Борисович, тем временем, взглянул на меня, в упор.

– Захарова, а ты ко мне в кабинет зайди.

Я моргнула. Переглянулась с девчонками.

– Сейчас?

– Нет, минут через пятнадцать. Разговор к тебе есть, – сообщил он, и следом многозначительно добавил: – Серьёзный.

Ну вот, всё-таки моё опоздание просекли. Ещё и премии лишат.

Я кивнула, в знак того, что поняла, на всякий случай скромно опустила глаза к бумагам на столе. Вот только начальник уже вышел. Закрыв за собой дверь, а девчонки тут же возмущённо фыркнули.

– Когда это уже только закончится!.. Проверки эти глупые.

– Всё, как маленьких, проверяют.

Лена со Светой принялись горячо обсуждать тот факт, что над ними явно издеваются, недооценивают, а ещё не доплачивают, а я, на всякий случай, собрала в отдельную папку распечатанный вчера отчёт и отправилась к кабинету шефа. Чуть раньше положенного срока. Раз уж опоздала сегодня, так виновато постою у него под дверью.

– Проходи, Захарова, проходи.

Руслан Борисович появился минут через пять, в компании другого мужчины. Я его сразу узнала, вчера он был на важ-

ной планёрке, что-то долго нам рассказывал о планах производства и сбыта продукции, должность его я не запомнила, но поняла, что он один из ведущих специалистов московского офиса холдинга, к которому с некоторых пор принадлежит наше предприятие, уже года два как. В общем, начальником он был большим, и можно было начинать волноваться. Мысленно я попыталась вспомнить, всё ли у меня сошлось в отчёте за прошедший квартал, который я сейчас держала в руках.

– Проходи, Вика. – Меня снова настойчиво пригласили в кабинет, и даже предложили присесть. Я села на неудобный стул у письменного стола шефа, с ожиданием поглядывая на мужчин. – Это Аркадий Михайлович, помнишь его по вчерашней встрече?

Я кивнула, а мужчина в дорогом костюме, вольготно устроившийся в кресле напротив меня, мне дежурно улыбнулся. Улыбался он дежурно, а вот разглядывал меня с любопытством. И его взгляд, дотошный и придирчивый, мне не слишком понравился. Мы на одно мгновение встретились с ним глазами, меня откровенно покорило, и я предпочла смотреть либо на золотую булавку на его шелковом галстуке, либо на Руслана Борисовича. Который совершенно неприлично потел. К чему всё это?

– Я посоветовал Аркадию Михайловичу с тобой встретиться, – нескладно начал мой начальник. И тут же переключился на московское руководство. – Как я уже говорил, Ви-

ка у нас, хоть и молодой специалист, но экономист очень талантливый. Старательная и дотошная к деталям. А ещё ответственная. Очень ценный кадр, так сказать.

Я, как выяснилось, кадр. Зато очень ценный. Что ж, мило. Это что же, проверка квалификации сотрудников?

– Руслан Борисович, я принесла отчёт, – сказала я, подумав, что свою старательность нужно подтвердить каким-то действием. Вдруг бонусные очки заработаю?

Начальник же нетерпеливо от меня отмахнулся, коротким, резким жестом, будто пытался проделать это так, чтобы заметила только я.

– Подожди с отчётом, Вика. Аркадий Михайлович хочет задать тебе несколько вопросов.

– Мне?

Московский гость лениво кашлянул, прочищая горло, затем сел в кресле в более подобающую позу, ногу с ноги снял, а ко мне продолжал приглядываться.

– Вика, сколько вам лет?

– Двадцать семь, – на автомате ответила я.

– Не так уж и много. Я посмотрел ваше дело сотрудника, у вас хороший вуз за плечами, красный диплом. Да и руководство вас хвалит, говорят, что вы весьма опытные, несмотря на возраст.

Я осторожно кивнула. Аркадий Михайлович меня хвалил, но от его слов и похвал как-то тревожнее становилось.

– Спасибо.

Московский гость кинул на моего начальника весёлый взгляд.

– На повышение девочку не собираешься отправить, Руслан? Раз она такой ценный кадр?

Мой шеф сцепил руки на столе.

– Да кто же против, Аркадий Михайлович? Вот только вакансий у нас немного, карьерный рост у нас тугой и медленный. Не столица мы.

– Тут я с тобой согласен. Но к профессионалам присматриваться надо, надо вовремя отмечать их настроение. А то возьмёт, да сбежит. Как Вика, желание сбежать есть?

Я смотрела на него, не моргая. Решила, что отвечать нужно честно.

– Порой появляется.

От моего ответа Руслан Борисович нервно заёрзал на стуле. Но я же не в старом идейном кино, в котором нужно с жаром клясться, что я всем довольна. Под страхом позора или увольнения.

– А что не устраивает? Только честно, Вика. Коллектив, условия труда, зарплата?

Не буду я на начальника смотреть, не буду. Скажу, как есть.

– Зарплата. Думаю, у всех одна и та же претензия. Что у нас, что в Москве. Вот только у нас в городе больших зарплат не бывает, и пускаться в поиски смысла я не вижу.

– Что ж, я ваш ответ принимаю.

Аркадий Михайлович переглянулся с моим шефом, а глаза при этом хитрые-хитрые. И я решила поинтересоваться:

– Это какое-то собеседование?

– Что-то вроде того, – не стал скрывать от меня Аркадий Михайлович. – Вы только не переживайте, Вика, к вашей работе здесь это никакого отношения не имеет. Понимаете, я попросил Руслана Борисовича посоветовать мне надёжного, опытного человека для разовой работы. Человека, который подойдёт к делу со всей ответственностью, которому можно доверять. И ваш начальник сразу назвал ваше имя.

Я кинула на шефа быстрый взгляд. Не благодарный, скорее, вопрошающий. Но вслух произнесла:

– Очень приятно.

– Да. Я думаю, что вам должно быть приятно. Руслан Борисович заверил меня, что вы очень способная девочка.

Ну вот, из ценного кадра меня быстро понизили до способной «девочки». И ведь не скажешь ничего.

– У тебя ведь отпуск скоро, Вика, – сказал Руслан Борисович, – и я подумал, что ты в это время вполне могла бы оказать услугу Аркадию Михайловичу.

– Не мне лично, – запротестовал тот, – а моему хорошему знакомому. И это будет не просто услуга, Вика, не переживайте. Каждая работа должна быть оплачена.

Я чуть нахмурилась.

– Что нужно делать?

– Провести аудит небольшого производства в вашем го-

роде. Мой знакомый много лет не жил здесь, оставил всё на управляющего и лишь получал ежегодные отчёты. Производство очень маленькое, дохода практически не приносило, но его пытались сохранить, на будущее. И вот это будущее, судя по всему, настало. Но прежде чем делать какие-то шаги, пытаться расширяться, необходимо провести конкретный аудит. Я думаю, вы с этим отлично справитесь. Работа ответственная, но вполне подъёмная. Которая будет хорошо оплачена. Конечно, при условии, что вас это интересует. Никто принуждать не будет, за вашим отказом ничего не последует.

Внутренний голос с чёткими мамиными интонациями проговорил: «Вика, тебе нужны деньги». Конечно нужны, кто спорит?

– В принципе, я могла бы это сделать, – аккуратно заметила я. – Конечно, для начала хотелось бы ознакомиться с документацией, понять объём работы, и, вообще, мой ли это профиль.

– Без проблем. Я свяжусь со своим знакомым, скажу, что нашел ему отличного, симпатичного аудитора. И с ним вы уже обсудите детали. Договорились?

Я согласно кивнула. И тут мне пришло в голову поинтересоваться кое-какими, самыми банальными подробностями.

– А что за производство?

– Мебельная фабрика. Они когда-то начинали у вас в городе. Веклер, не помните, случайно?

– Конечно, помним, – ухнул Руслан Борисович, а сам на меня смотрел с торжеством. Наверное, мысленно хвалил себя за то, что обеспечил меня сторонним заработком. А я сидела и смотрела на Аркадия Михайловича.

– Веклер? – переспросила я.

Он кивнул.

– Андрей решил вернуть сюда часть производства. У них производственные помещения в Подмоскowie, но не справляются, да и личные причины для возвращения сюда присутствуют. Так что, думаю, вам тоже для карьеры эта работа поспособствует. Я передам Андрею ваш номер.

– Мой номер? – переспросила я, не в силах справиться с растерянностью.

– Для обсуждения деталей.

– Вика, с тобой всё в порядке?

Я кивнула, но всё в той же растерянности. Вдруг поняла, что мне тяжело дышится.

Андрею Веклеру передадут мой номер, чтобы он мне позвонил. А что я ему скажу, когда он позвонит? Где моя сестра?

– Я могу подумать? – задала я вопрос.

– Да, конечно. Вы подумайте, Андрей подумает, и созвонитесь.

Я едва заставила себя растянуть губы в улыбке, поднялась.

– Спасибо... за предложение. И за отзывы о моей работе.

Руслан Борисович хмурился, наблюдая за тем, как я иду

к дверям его кабинета, а вот Аркадий Михайлович довольно улыбался. Проводил меня взглядом, а когда я уже вышла в коридор и собиралась прикрыть за собой дверь, услышала его голос:

– Милая девочка. Люблю милых девочек в очках. На какой ты, говоришь, она должности?

Дверь я закрыла, отошла за угол и прислонилась спиной к прохладной стене. Пыталась обдумать только что поступившее мне невероятное предложение. Оно ведь, на самом деле, невероятное. Для чего судьба меня вновь сталкивает с Веклерами? И нужно ли мне это?

– Не чуди, Захарова, не чуди, – говорил мне Руслан Борисович позже, когда мы встретились с ним в коридоре. Я смотрела куда угодно, но не на него, собираясь отказаться от валившегося на меня денежного мешка, а начальник не понимал, почему я это делаю.

– Тебе что, деньги не нужны?

– Нужны, – сказала я.

– Ну, так в чём проблема?

– Есть проблема, Руслан Борисович. – Я вздохнула. Не могла же я ему правду сказать? То есть, конечно, могла, но, во-первых, история моей семьи моему начальнику совершенно ни к чему, а, во-вторых, я не уверена, что это возымело бы какое-нибудь адекватный эффект. Я лишь потрачу время, нервы и силы. Поэтому сказала первое, что пришло в голову: – Я не уверена, что справлюсь.

– Так ты хотя бы не отказывайся сразу. Ознакомься, обдумай, а потом уже принимай решение. Вика, ты же такой благоразумный человек, а сейчас вдруг капризничаешь.

– Я не капризничаю!

– Послушай, Захарова, ты пойми, что москвичам отказывать нельзя. Точнее, можно, но не целесообразно. Ты же хотела двигаться дальше, вверх, так сказать, по карьерной лестнице. Всю плешь мне уже проела своим повышением. Так окажи услугу нужным людям, может, тебя без меня переведут?

Я поджала губы, недовольно и строптиво. Но перед начальником согласно кивнула и повторила:

– Я подумаю.

– Вот и подумай, – проговорил он с явным намёком.

Господи, ну почему единственный за многие годы шанс пришёл ко мне под знаменем фамилии Веклер? Несправедливо.

Весь рабочий день я только тем и занималась, что обдумывала предложение. Без сомнения, заманчивое, перспективное, но я не представляла, как смогу на него согласиться. Как смогу работать, зная, кому помогаю. И не просто помогаю, а, возможно, подсказываю, как выпутаться из неприятной ситуации. Ведь не зря же им понадобился аудитор.

– Видно, нашей Вике что-то чрезвычайно интересное предложили, – подначивали меня девчонки, – раз она даже не слышит нас.

Я подняла голову, посмотрела на них в растерянности.

– Что?

– Да ничего, – пожалала Лена плечами и многозначительно переглянулась со Светой. – Гадаем, что такого интересного ты знаешь, о чём нам Руслан Борисович, конечно же, не рассказывает. Ты же его любимица.

– Глупости какие, – проговорила я. – Никто мне ничего не рассказывает. Никаких интересных подробностей. А вызывали меня по поводу отпуска, вот и всё.

Девчонки снова переглянулись и поагакали для вида. А я притворилась, что не замечаю их недоверия из-за моего ответа. Что-то объяснять, тем более врать и придумывать правдоподобную легенду своей задумчивости, не хотелось.

После работы я решила навестить отца. Я редко появлялась у него в доме спонтанно, обычно мы договаривались о встрече или визите за неделю, а то и больше, чтобы не мешать чужим планам. Но сегодня я позвонила, зная, что он уже, наверняка, успел вернуться с работы, и напросилась в гости.

– Что-то случилось? – спросил отец, по всей видимости, по моему голосу и не присущей мне настойчивости, понял, что что-то не так.

– Мне нужно с тобой посоветоваться, – призналась я.

– Конечно, приходи, я тебя жду.

Папа у меня молодец. Каждый раз, встречаясь с ним, я мысленно обращала внимание на то, как молодцевато он вы-

глядит. Это радовало. Радовало то, что энергия и интерес к жизни его не покидали, несмотря на все трагические события, через которые пришлось пройти. Мама оказалась слабее, сдалась, и я знаю, что отец до сих пор чувствует себя виноватым перед ней. Что не смог нести свой крест до конца, отказался от неё. При каждой встрече он задавал мне осторожные вопросы о маме, о том, как она живёт, как справляется, а у меня для него всегда был один и тот же ответ: ничего не меняется. А вот за него я радовалась, хотя и понимала, что он не совершает никаких героических поступков, не старается перешагнуть через себя, чтобы кому-то что-то доказать, он просто живёт. И я не отменяю тот факт, что держать себя в форме, в психологических и эмоциональных рамках, ему помогает Вера и мальчишки. Вся его активная жизнь сосредоточилась на них, а я рада тому, что они его ценят.

– Ужинать будешь? – спросил меня отец, как только я переступила порог их квартиры.

– Нет, спасибо, – отказалась я, присаживаясь на пуфик прямо в прихожей. Вдохнула, посмотрела на отца. А тот обеспокоенно нахмурился, наблюдая за мной. Судя по всему, он грел ужин, потому что стоял с кухонным полотенцем в руках и теперь руки об него вытирал.

– Вика, что случилось?

Я вытянула шею, пытаюсь заглянуть через него в комнату. Тихо спросила:

– Кто-то дома есть?

– Нет ещё. Мальчишки на улице, а Вера вот-вот с работы придёт.

– Хорошо, – сказала я. Туфли с ног скинула и прошла на кухню. Присела на стул у окна. Если честно, не знала, как начать, даже, что именно спросить, поэтому решила спросить прямо. – Пап, как ты думаешь, Гришка причастен к исчезновению Ксюши?

Может быть отец и удивился тому, что я подняла эту тему, в отличие, от мамы, с ним мы про прошлое старались не разговаривать. Оба считали, что для этих разговоров не слишком часто видимся, поэтому лучше разговаривать о том, что с нами происходит в настоящем времени, а не о том, что было и чего уже не вернёшь.

Отец не отвечал, то ли обдумывал, то ли пытался унять недовольство, а я пояснила:

– Я с ним практически незнакома, и всю ситуацию до конца не знаю, если уж на то пошло.

– С ним никто толком незнаком, – проговорил отец недовольно. – Не хотелось ему с нами знакомиться.

– Но ты же с ним встречался, и не раз.

– Вика, к чему это?

Я снова вздохнула, положила руки на стол и сцепила пальцы в замок. Смотрела на них.

– Мне сегодня работу предложили. Думаю, что работа перспективная и... денежная. У Веклеров, пап.

Он не ахнул, присел напротив меня за стол. Хмыкнул.

– Почему тебе?

Я пожала плечами.

– Я думала об этом. Но получается так, что случайность.

– И что же, ты будешь с Григорием контактировать?

– Понятия не имею. Возможно, мы с ним даже не встретимся.

Отец отложил полотенце, побарабанил пальцами по столу. Затем сказал:

– Я бы не хотел, чтобы ты соглашалась. Или тебе настолько нужны деньги, что ты об этом всерьёз думаешь?

– Деньги мне нужны, – не стала я спорить. – Но ты же понимаешь, что дело не только в деньгах.

– Понимаю. Но подсказать тебе ничего не могу, Вика. После исчезновения Ксюши я не встречался ни с кем из этой семьи. Разве что с их адвокатом. Который всем дотошно объяснял, что Григорий ни при чём.

– Разве это не кажется тебе подозрительным?

Отец вдруг впал в раздражение, это было очень заметно, он занервничал.

– Прошло десять лет, Вика. Ты же не можешь, как мать, до сих пор верить?.. Или веришь, что она вернётся?

Я качнула головой.

– Не верю.

– Вот видишь.

– Но если он виноват, папа...

– Если он виноват, мы никогда об этом не узнаем. Поэто-

му какой смысл ворошить былое? Если Гришка Веклер причастен, его Бог накажет, без нас с тобой. А, возможно, уже наказал. Ты же не знаешь, где он и что с ним.

Я вдруг подумала о том, что хотела бы выяснить. А ещё поняла, что зря пришла к отцу, напрасно заставляю его обо мне переживать.

– А зачем тебе, кстати, деньги?

Я отвлеклась от мыслей о работе, на отца взглянула, пытаясь сообразить, о чём он спрашивает. А когда поняла, мне вдруг стало неудобно. Я вроде как беспечно махнула рукой.

– Да так...

– Что «да так»? – не поверил он. – Сомневаюсь, что ты задумалась бы об этом семействе, если бы у тебя был выбор.

– На самом деле, пап, предложение не только выгодное, но и перспективное. И если бы это была другая семья...

– Вот именно, что если бы!

– Не переживай, – попросила я. – Я лишь хотела посоветоваться.

– Это хорошо, что решила посоветоваться, – согласился он. – И, надеюсь, ты меня услышала.

– Услышала, – кивнула я.

– Оставь всю эту историю в прошлом, – добавил он весело. Из-за стола поднялся, достал тарелку из шкафа, судя по всему, всё же собираясь меня накормить ужином. – Ксюши нет. Я с этим смирился. Думал, что ты тоже. А ты слушаешь мать.

– Не слушаю. То есть, слушаю, конечно, но не так, как ты думаешь. Мне нужно было решить для себя, как поступить.

– Тебе нужны деньги? Сколько? Я тебе помогу.

Я заставила себя широко улыбнуться. Очень надеялась, что беспечности и беззаботности в моей улыбке достаточно для того, чтобы отец успокоился.

– Я просто коплю на отпуск, пап. Хотели с Вовкой зимой в Таиланд...

– Ну, вот устроится он на работу, и пусть копит. Мало ты его кормишь!..

– Пап!

Он лишь нетерпеливо отмахнулся.

– Одну или две котлеты тебе положить? Вера утром жарила.

Я мысленно махнула рукой на диету и сказала:

– Две. С картошкой.

ГЛАВА 3

С Вовкой мы помирились. Я не любила жить под гнетом несогласия и ссор, и помню, ещё бабушка мне всегда говорила, что с мужем, после любой ссоры, нужно мириться до того, как вы оба уснёте. Я старалась следовать её мудрому, как мне казалось, совету, и считала, что он приносит свои плоды. Отношения становятся более спокойными и гармоничными. Или было бы лучше просыпаться недовольными друг другом, не разговаривать? Конечно, причина нашей размолвки так и стояла под окнами квартиры и отчего-то раздражала меня своим красивым, ярким синим цветом, но надо было принять тот факт, что от неё никуда не деться. Можно было обижаться на Вовку сколько угодно, но ежемесячной выплаты по кредитам это никак не отменит. Проблему необходимо было решать. А для начала неплохо бы начать разговаривать друг с другом спокойно, без нервов и обвинений. Я первой попыталась это сделать, и, в итоге, мы с Вовкой обнялись, и в доме наступил мир. Моё несогласие и душевное противостояние никуда не делись, правда, но, как я уже сказала, проблемы их наличие или отсутствие никак не решит.

А Вовка примирению обрадовался, сграбастал меня своими большими руками, крепко сжал, после чего звонко и крепко поцеловал в макушку. Даже от пола приподнял, пытаясь добиться моей улыбки, и покружил.

– Вот такой я тебя люблю, – заявил он, и я, наконец, улыбнулась.

Наступили выходные дни, и первую половину субботы мы с Вовкой изо всех сил старались быть довольными друг другом. После утренней пробежки, я приготовила вкусный завтрак, разбудила любимого поцелуем, а после того самого совместного душа и вкусных гренок на завтрак, мы с Вовой отправились в магазин, на нашей новенькой машине. Вовка радовался, как ребёнок, за рулём он, на самом деле, чувствовал себя куда увереннее и вольготнее, чем в общественном транспорте, он чувствовал себя взрослой, состоявшейся личностью. Я наблюдала за ним украдкой, и в какой-то момент пришла к выводу, что, возможно, я была не права. И пусть эта машина у него будет. Чем чёрт не шутит, может быть, автомобиль и, правда, поможет вернуться ему к взрослой жизни и задуматься о дальнейших планах и перспективах. Ведь когда-то он должен вернуться в колею, снова стать взрослым мужчиной, а не продолжать жизнь беспечного подростка у экрана компьютера.

А вот после посещения супермаркета, Вова и произнёс те заветные слова:

– Давай съездим к родителям. Они будут рады.

Буду ли рада я, никто не поинтересовался. Почему-то считалось, что я должна, просто обязана души не чаять в Вовкиных родителях. Они ведь нам помогают, не оставляют ни в один трудный момент (кстати, если бы не они, этих са-

МЫХ «трудных моментов» могло бы быть в нашей жизни куда меньше, взять для примера хотя бы купленную машину). Как я могла сказать «нет»? Но я не сказала и «да», а Вова уже радостно развернулся на следующем светофоре, и мы направились к выезду из города.

– Видишь, как всё здорово складывается? Мама обрадуется, что мы помирились!

– Ты что, уже успел ей рассказать? – расстроилась я.

Вовка лишь плечами пожал.

– Она вчера звонила, спрашивала, успокоилась ли ты. Конечно, пришлось рассказать. Она посоветовала нам обоим быть терпимее друг к другу. Разве она оказалась не права?

Я отвернулась к окну, изо всех сил стараясь сдержать недовольный вдох. Временами я ненавидела то, насколько Вова близок с родителями, особенно, с мамой, а потом я начинала тайком завидовать. Как же мне порой не хватает родительского, особенно, маминого участия в моей повседневной жизни. Так хочется, чтобы она позвонила и спросила, как у меня дела, чем я занимаюсь, какие у меня планы на жизнь. А не отвечать на её звонки, зная, что уже через полминуты услышу имя сестры.

Но толк от поездки к родителям всё же был, правда, не тот, которому следовало бы обрадоваться. На следующее утро мы с Вовой вернулись в город, и у меня в руках был кредитный договор на машину. Лидия Николаевна передала мне его с проникновенной, ласковой улыбкой и ещё добави-

ла:

– Мы с отцом помогли вам, чем смогли, а теперь уж сами.

Старайтесь.

Я забрала у неё бумаги, из рук в руки, едва удержалась от того, чтобы сразу начать их читать, а Вовка рядом со мной браво ухмылялся.

– Не переживай, мам, мы со всем справимся. Не в первой.

– Не сомневаюсь. Вы у меня замечательные ребята.

Я стояла, улыбалась и сжимала в руках договор. А как только представилась возможность, и я осталась одна, плюхнулась в кресло и принялась читать.

– У меня просто нет слов, – сказала я Жанке, когда объявилась у неё на пороге утром воскресенья. Утро было уже не столь раннее, но всё равно утро, и подружка встретила меня в халате и зевая. Воскресенье – единственный день в неделе, который в их семье могли проспять до обеда. Даже Бубуне в это утро предлагалось отправиться не на прогулку, а на одноразовую простынку в коридоре.

Я соседку потеснила, коварно протиснулась на её территорию, и прямым ходом направилась на кухню. Шлёпнула треклятый договор на кухонный стол.

– Жанна, эта машина им обошлась в баснословную сумму! Процент просто зверский!

– Так зачем же они её купили?

– Сказала бы я как есть, но повторю лишь то, что поведала мне Лидия Николаевна. Больше ни в одном банке им кредит

не дали.

– Конечно не дали, – зевая, согласилась Жанна, грохнула чайник на плиту. – Они уж лет пятнадцать так живут, Вик, от кредита к кредиту. То ремонт делают, то мебель покупают, то в отпуск едут. Выплаты задерживают, и ничего зазорного в этом не видят. А Вовка родителей переплюнул, он на пять кредитов сразу работал.

Я с расстроеным вздохом опустилась на табуретку.

– И что теперь делать? Ежемесячный платёж – это треть моей зарплаты. Как мы будем жить?

– А ты пни Вовку под зад. Вот прямо пни. Пусть работать, наконец, отправляется. Что это за мужик, без работы?

– Он клянётся...

– Знаем мы его клятвы, – фыркнула Жанна. – Сосиски будешь?

– Утро же, – удивилась я.

– И что? Самая утренняя еда, можешь Серёгу моего спросить, он тебе подтвердит.

Насчёт сосисок я ничего не ответила, подпёрла подбородок рукой и в тоске уставилась за окно.

– А Лидия Николаевна мне этот договор с таким видом передала, будто ипотеку нам оплатила.

Жанка усмехнулась.

– Верю. Я тётю Лиду с детства знаю. Умеет она пакости с милой улыбкой делать, этого у неё не отнять. А почему ты не сказала ей прямо: мол, платить нечем?

– Как я скажу? Мы с Вовой из-за этого накануне поругались, думаешь, он родителям не рассказал? Наверняка, рассказал. А если бы я вчера этот вопрос подняла, получилось бы, что ещё денег у них требую, граблю бедных пенсионеров. Неблагодарная, корыстная и так далее. Они ведь искренне считают, что они нас полностью содержат. Понимаешь? Ладно, сына, это понятно, а в их глазах я – нахлебница. Лида без конца меня тыкает тем, что мои родители нам не помогают, совсем. Мол, им всё равно. А я в ответ молчу. Что я скажу? Или яйца с мясом брать откажусь? Они тогда окончательно разобидятся, и я же останусь виноватой. Неужели ты не понимаешь?

– Понимаю. Но за яйца, мясо и молоко вешать на тебя кредит на машину для своего сыночка, справедливости тут тоже мало, согласись.

Что на это можно было сказать?

Поднявшись спустя час в свою квартиру, я застала любимого за компьютером, за этим занятием я, в принципе, его и оставила, предупредив, что спущусь к Жанне ненадолго. Вовка тогда кивнул, он штудировал сайт вакансий, пообещав мне ещё накануне, что в ближайшее время устроится на любую мало-мальски подходящую работу. Чтобы помогать мне с выплатами.

– Чтобы мы с тобой ни в чем больше никогда не нуждались, – сказал он мне вчера.

И вот прошёл час, и сайт с объявлениями о работе бла-

гополучно позабыт, а Вовка в наушниках, сидя ко мне спиной, играет в любимую «войнушку». Я остановилась в дверях комнаты, несколько долгих секунд за ним наблюдала. Иногда так хочется влезть в чужую голову, в чужую душу, и узнать, что, на самом деле, человек думает, чем дышит, чем живёт. Хочется, ведь правда? Но, наверное, к лучшему, что способностей таких у людей нет. Иначе сколько бы разочарований нас постигло дополнительно, сколько всего неприятного мы могли бы узнать, и о себе, и об этом человеке. Поэтому остаётся только наблюдать со стороны и гадать.

В понедельник утром мне позвонили. Я едва успела устроиться за рабочим столом в кабинете, вернувшись с утренней планёрки, обложила бумагами, отчётами, включила компьютер, и тут у меня завибрировал мобильный на краю стола. На рабочее время я всегда отключала звук на телефоне, оставляя лишь вибрацию, чтобы не заставлять никого, включая себя, вздрагивать от неожиданности, вмешиваясь в рабочий процесс. И сейчас телефон завибрировал, я глянула на экран, увидела незнакомый номер, и в первый момент решила не отвечать. Но рука будто сама собой потянулась за телефоном.

– Слушаю, – проговорила я в трубку.

– Виктория Олеговна?

– Да, здравствуйте.

– Доброе утро. Вас беспокоит секретарь Андрея Романовича Веклера. Мне поручили связаться с вами по поводу

предложения о работе.

Все мои размышления и сомнения, что не покидали меня все выходные дни, разом приобрели конкретную форму с прозвучавшим именем Веклер от невидимого собеседника. Если честно, не ожидала, что со мной свяжутся так быстро. Видимо, они спешат с аудитом. Я развернулась на компьютерном кресле к окну, и негромко повторила:

– Я вас слушаю.

– Андрей Романович сможет встретиться с вами завтра, в офисе фабрики. Запишите, пожалуйста, адрес.

– Не нужно адрес, – возразила я. – Я прекрасно знаю, где она находится. Просто... я ещё не решила... соглашусь ли. В конце концов, у меня работа, отпуск начнётся только через неделю.

Кажется, звонившая несколько растерялась.

– Мне не сказали, что вас нужно будет уговаривать. – Её голос прозвучал недоумённо.

А вот я мысленно решила возмутиться: что значит – меня нужно уговаривать? Не нужно. Но обдумать предложение я имею право? Или оно настолько фантастическое?

– Так что мне передать Андрею Романовичу? Что вы отказываетесь и не придёте?

Я молчала. Смотрела за окно, и лихорадочно пыталась понять, чего же я всё-таки хочу, что собираюсь делать? Потёрла лоб рукой. Выдохнула.

– Не стоит. Передайте... Андрею Романовичу, что я при-

еду, встречусь с ним. И мы с ним всё обсудим.

– Думаю, это будет самым разумным решением, – согласилась секретарша, которая, судя по всему, была весьма большого мнения о своих должностных обязанностях. – Ждём вас в два часа.

Я отключила телефон, и замерла так, продолжая сжимать его в руке. Продолжала смотреть на берёзы через дорогу, вглядывалась в густую, зелёную листву до боли в глазах.

Кажется, ещё вчера я решила, что откажусь. Последую отцовскому совету, и не стану и близко приближаться к Веклерам. Просто ради того, чтобы не ворошить прошлое. И чёрт с ними, с этими деньгами, с перспективами. Я даже заснула с мыслью о том, что приняла окончательное решение. Ни с кем встречаться я не собираюсь. И, наверное, мне стоило остановить Руслана Борисовича после планерки, и сообщить ему о том, что я отказываюсь. Но я лишь проводила начальника взглядом, и ничего не сказала. А вскоре раздался этот звонок. И под аккомпанемент голоса секретарши Андрея Романовича, меня вновь накрыли сомнения. Я вдруг подумала о том, что если сейчас откажусь – возьму и откажусь, передам свой отказ через неё, то мне больше никогда не представится возможность оказаться рядом с кем-нибудь из Веклеров. Хотя бы для того, чтобы просто посмотреть – как они живут, что из себя, как личности, представляют. И, возможно, всё-таки существует маленький, совсем крохотный шанс узнать что-то про сестру. Вдруг я смогу услышать хоть ка-

кое-то разумное объяснение. Нет, не её исчезновения, а почему они так повели себя десять лет назад. Почему просто сбежали!..

Я встречу с Андреем, выслушаю его, конечно же, откажусь от работы, зато задам ему вопрос... или два. Из тех самых, что не дают уже много лет спокойно спать моей семье. Кто-то же должен на них ответить, так почему не Веклеры? Особенно, если имеют к этому отношение.

– Вика, что с тобой? Ты работать собираешься?

Я услышала голос Светы, сделала глубокий вдох, будто все эти минуты сидела, затаив дыхание, и даже не замечала этого. Развернулась в кресле обратно к столу и, наконец, отложила телефон в сторону.

Вечером я отправилась с Жанной выгуливать Бубуню. Вовка, наблюдая за тем, как я зашнуровываю кроссовки в прихожей, нахмурился.

– Тебе не кажется, что ты к Потаповым зачастила?

– Так я не к ним, я прогуляться перед сном. – Я выпрямилась и взглянула на него. – Может, ты оторвёшься от компьютера и отправишься со мной?

Вовка нахмурился ещё сильнее.

– Зачем?

Я развела руками, взглянула на него со значением.

– Чтобы прогуляться вместе, провести друг с другом время. О чём-нибудь поговорить.

Вовка откровенно вздохнул.

– Опять говорить... Ты всё никак не успокоишься насчёт машины? Снова будешь меня ругать?

– Вова, я не собираюсь тебя ругать, я предлагаю тебе погулять со мной.

Он поморщился.

– Вик, ты же знаешь, что я не люблю все эти расшаркивания бесполезные. Какой смысл выходить и гулять вокруг дома? Нам что, по семьдесят лет?

– Можно не вокруг дома, а дойти до парка, – предложила я.

– Да, программа стала куда интереснее. – Он повернулся ко мне спиной, лицом к компьютеру, надел на голову массивные наушники, а мне сказал: – Иди со своей любимой Жанной, почешите языками. Только этим и занимаетесь.

Спорить я с ним не стала, накинула на плечи лёгкую ветровку, взяла ключи и вышла из квартиры.

С Жанкой мы как раз дошли до парка, всего-то семь минут неспешного шага. Всю дорогу подружка несла любимую питомицу на руках, а когда оказались на парковой дорожке, опустила пушистый белоснежный комок на зелёный газон.

– Побегай, Бунечка, – засюсюкала с собакой Жанка. – Будешь красивой и здоровой, как Вика. Старайся.

Я шла рядом по дорожке, сунув руки в задние карманы джинсов. Бубуня заливалась радостным, визгливым лаем и быстро-быстро семенила впереди нас своими крошечными лапками, гордо поглядывая по сторонам. Жанка гляде-

ла на собачонку с обожанием, я тоже посмотрела, куда более спокойно, а затем спросила:

– И что ты думаешь?

По дороге в парк я коротко обрисовала Жанке ситуацию. В конце концов, остаться с непростым решением наедине, было не слишком комфортно. Мне, определённо, не хватало смелости, нужен был совет со стороны. Но с отцом я уже посоветовалась, его предостережения не слишком помогли, и теперь я изнывала от неопределённости.

– Ты что же, всерьёз думаешь, что это семейка маньяков? – поинтересовалась у меня Жанна.

– Нет, конечно, – возразила я. – Хотя, чёрт их знает.

– Чёрт, может, и знает их лучше, а я, и все вокруг, знают то, что эта семейка Адамс, то есть, в нашем случае, Веклер, весьма обеспеченная. Видишь, как у них всё хорошо? Здесь жили – не тужили. В Москву перебрались, теперь ещё и здесь собираются бизнес возродить. Деньги, как говорится, к деньгам.

– Деньги меня сейчас интересуют в последнюю очередь.

Жанка от меня отмахнулась.

– Как будто когда-то ты относилась к деньгам по-другому. Поэтому и Вовчик тебе на шею присел, и радуется. Другая бы уже давным-давно его на работу выпихнула. Где он ещё найдёт дуру, которая станет его содержать?

Я решила обидеться. Проговорила недовольно:

– Ну, спасибо тебе, Жанна.

– А что, я не права? А тут, как не крути, перспектива заработать. Поэтому я считаю, что тебе нужно туда пойти, обязательно, и даже не спешить отказываться от работы. Хочешь, я с тобой пойду? – вдруг предложила она. А я глаза на подругу вытаращила. В полной мере ошалев от такой перспективы в первый момент.

– Зачем?

– В качестве моральной поддержки, – не растерялась Жанна. – Да и любопытно мне.

– Умерь, пожалуйста, своё любопытство.

Она пожала плечами, отвернулась от меня вполне равнодушно, снова сосредоточив своё внимание на Бубуне, но я подозревала, что всё-таки расстроилась моим отказом. Жанка любила свою спокойную жизнь, с удовольствием занималась семьёй и домашним хозяйством, вспоминая о работе лишь с прискорбием, а порой и с содроганием, но чего ей точно не хватало, так это общения и интриг. Поэтому, я не сомневаюсь, что согласись я на её участие во всей этой истории, Жанна окунулась бы в неё с головой. И страшно подумать, чем всё могло бы закончиться.

– А как он выглядит?

– Кто? – не поняла я.

– Андрей Веклер. Да и братец его. За что-то ведь твоя сестра была в него влюблена?

– Я понятия не имею, как они оба выглядят, – сказала я, вдруг почувствовав легкое раздражение. – С Андреем я, во-

обще, никогда не встречалась, а Гришка... – Я вздохнула. – Десять лет прошло, Жанна. Спустя такое время он может выглядеть, как угодно, даже пол успел бы сменить. Да и какая разница?

– Я просто подумала, а узнает ли он тебя?

Это предположение меня несколько обеспокоило. Призналась:

– Не знаю.

– А ты скажешь, кто ты?

Я помолчала, раздумывая, и, в конце концов, дала тот же ответ:

– Не знаю. Я, вообще, не представляю, что это будет за встреча.

Жанка подхватила меня под руку, мы некоторое время шли в молчании, после чего она уверенно проговорила:

– Тебе нужно туда пойти. Ты не простишь себе, если не пойдёшь.

Это были именно те слова, которые не давали мне покоя. Это и подталкивало меня вперёд, на поиски, скорее всего, неприятностей. А ещё я упорно молчала, не говорила ничего Вовке. И это моё нежелание с ним посоветоваться, обсудить нечто для меня важное, проблему, всерьёз настораживало. Но разговаривать о моей сестре Вовка не любил, эти разговоры наводили на него грусть и тоску, как он сам выражался, и, наверное, из-за этого у него и не складывались отношения с моей мамой. Потому что при каждом упоминании име-

ни Ксении, он принимался морщиться и откровенно томился. Мама, конечно, это замечала, начинала злиться, но свою злость маскировала под печаль, принималась плакать и высказывать мне, что её никто не поддерживает и не понимает. А ещё всякие чужие люди пытаются укорить и относятся с пренебрежением к её горю. В общем, каждая их с Вовой встреча заканчивалась скандалом, а виновата с обеих сторон, оказывалась я. Поэтому я и сейчас молчала. Конечно, можно было бы сказать ему о предложенной подработке... Но заранее радовать его не хотелось, хотелось, чтобы он сам обеспокоился, чем собирается в начале следующего месяца оплачивать кредит за новенькую машину.

И вот настал день икс. Я вернулась с утренней пробежки, порадовалась тому, что Вовка спит без задних ног, и поэтому я могу спокойно, без лишних объяснений, выбрать костюм, в котором днём отправлюсь на встречу с Андреем Веклером. Хотя, странно, переживать из-за костюма и макияжа в такой ситуации. Но брючный костюм я выбрала самый дорогой, что был в моём гардеробе. Я редко позволяла себе в нём пощеголять, надевала только на особенные мероприятия и выездные тренинги и семинары. Когда хотелось выглядеть не зашоренной бухгалтершей, а самодостаточной, деловой женщиной, уверенно смотрящей в будущее, и с лёгкостью успевающей за развитием своей профессии. Помнится, на этот костюм я потратила все подаренные на день рождения деньги, а сумма была немаленькая, и если Вовка лишь

рукой махнул и посмеялся, то Лидия Николаевна откровенно ахнула. Хорошо хоть в открытую пальцем у виска не покрутила. Правда, не преминула вслух заметить:

– С ума сошла. Такие деньги за тряпки отдать.

Я решила не обращать внимания на критику. Костюм мне очень нравился, и я себе в нём нравилась, а это самое главное, разве нет? И вот сегодня я решила себя приодеть, помимо костюма достала новые туфли на высоком каблуке, более тщательно накрасилась, а тёмно-рыжие волосы забрала в строгий пучок. Производить ни на кого впечатление я не собираюсь, но при этом я должна чувствовать себя собранной и спокойной, ради этого всё и делается.

На работе я своим внешним видом всех удивила. Мне улыбались, хвалили и даже оборачивались вслед. А девчонки в кабинете неприлично вытаращили глаза.

– Куда это ты так нарядилась?

– Дело есть, – туманно ответила я. – В обед нужно отлучиться.

Лена со Светой переглянулись между собой, и пока я присаживалась за свой стол и раскладывала бумаги, молчали. А вот потом спросили:

– Вика, скажи честно, ты другую работу нашла?

Я на них посмотрела. Покачала головой.

– Нет. После отпуска вернусь на своё рабочее место, не переживайте. – Я даже поправила очки на носу, с самым серьёзным видом.

Они вдруг обиженно надулись.

– Не хочешь говорить, и не надо.

Я лишь плечами пожала. Не надо и не надо.

Зато Руслан Борисович меня похвалил, когда мы столкнулись с ним в коридоре.

– Молодец. Подготовилась.

Ему я тоже отвечать не стала. Ни к чему я не готовилась, просто не хочется с разбега ударить в грязь лицом. И так не знаю, как буду смотреть Андрею Веклеру в глаза, хватит ли мне на это сил и смелости, поэтому хотя бы о своём внешнем виде не хочу переживать.

До мебельной фабрики на окраине города пришлось добираться на такси. Разъезжать на автобусе через весь город, хотя он у нас не такой уж и большой, мне бы не хватило и половины рабочего дня. Поэтому я ехала на такси, смотрела в окно, а сама вспоминала, когда в последний раз бывала там. Если честно, один-единственный раз, вместе с Ксенией. Но отлично запомнила тот день. Роман моей сестры и Григория Веклера был в самом разгаре, как раз в той короткой фазе, когда они откровенно обожали друг друга, и старались каждую минуту проводить вместе. Гришу отец устроил на свою фабрику, кажется, торговым агентом, насколько я помнила, но на самой фабрике он появлялся не часто, будто делая отцу одолжение. Но в тот день он решил посетить свой маленький кабинет, и позвал нас с Ксенией с собой, так сказать, на экскурсию. Уже не помню, почему я оказалась

в компании сестры. Случалось это не часто, обычно я была занята учёбой и наши с ней графики и планы на жизнь никак не совпадали, но тогда меня усадили в Гришкину машину, привезли на мебельное производство, и мне неожиданно стало так интересно, что я получила настоящее удовольствие от смены обстановки, как и от общения с сестрой. Мы даже не ссорились с ней в тот день, что-то обсуждали, хохотали, и подшучивали над без конца бахвалившимся Гришкой. Он пытался казаться на нашем фоне взрослым, деловым, обеспеченным и разговаривал с нами тоном, словно он был хозяином всего предприятия или хотя бы что-то всерьёз соображал в мебельном производстве. Он говорил и говорил, а мы с Ксеньей слушали его и смеялись. На что Гриша обиженно надувал щёки и грозил нам кулаком.

А потом, помнится, появился его отец, ещё довольно молодой десять лет назад, и достаточно рассерженный, и с фабрики нас выпроводили. Я помню Романа Веклера, как он шёл бок о бок с младшим сыном, позади нас с Ксюшей, и отчитывал того за беспечность.

– Здесь люди работают, здесь станки для распилки, а ты девчонок сюда водишь? А если они руки куда-нибудь не туда сунут? Ты, вообще, соображаешь?

Вот такие у меня были воспоминания об этом месте. Кстати, внешне старое здание мебельной фабрики совсем не изменилось. Такое же обветшалое и будто бы заброшенное. Кустарники на территории ещё больше разрослись, это точно.

И асфальт под ногами весь выщербленный. Правда, на въезде будка охраны, и ворота новенькие, огромные и глухие. Я подошла к охране, представилась, и меня тут же пропустили на территорию. Я снова оказалась на старом асфальте с выбоинами, только по другую сторону от железных ворот.

– Вам нужно обойти это здание, – подсказал мне охранник в возрасте и черной форме. – С торца есть дверь, через неё попадёте в офис.

Охранника я поблагодарила, а про себя подивилась: тут ещё и офис есть!

Пока я шла по направлению к красному, кирпичному зданию, под крышей которого с фасада белыми кирпичами был выложен год постройки: 1963, мимо меня проехал новенький погрузчик с какими-то коробками. Я проводила его любопытным взглядом. По всей видимости, не смотря на внешнюю заброшенность и неблагоустроенность, фабрика функционирует.

Внутри офисное здание также отчаянно требовало ремонта. Узкие темные коридоры, потёртый линолеум на полу с устаревшим рисунком, покрашенные голубой краской стены и старые двери кабинетов. Судя по тишине, почти все они были пусты. Только самая последняя дверь длинного коридора была распахнута настежь, к ней я и направилась. Линолеум скрадывал стук моих каблучков, поэтому я приблизилась практически бесшумно. Подошла и осторожно заглянула. Помещение было достаточно просторным, но загро-

мождённым старой мебелью. Шкафами с бумагами, массивными письменными столами, заставлено старыми стульями. А с потолка свисали две люстры со стеклянными, пыльными плафонами. А ещё, что бросилось в глаза, так это несколько горшков с засохшими цветами на деревянном подоконнике. Мне хватило одной секунды, чтобы всё это увидеть, оценить и прийти к неутешительному выводу окончательной запущенности. Одна секунда, а затем я остановила свой взгляд на мужчине, что сидел за письменным столом, спиной к окну, глядя в экран навороченного ноутбука. Компьютер казался чем-то немыслимым в той устаревшей обстановке, что окружала его и его хозяина. Я остановилась в дверях кабинета и наблюдала. Точнее, попросту разглядывала человека за столом. Мужчина сидел, опустив голову, выглядел занятым и задумчивым, а ещё недовольным. Тёмные волосы растрепались, видимо, он не раз запускал в них свои пальцы, широкий лоб прорезала морщина, а глаза устремлены на монитор. Щёки поросли тенью щетины, а пухлые, выразительные губы как раз и кривились недовольно. Большая рука с длинными, аристократическими пальцами, накрывала компьютерную мышь. А потом мужчина вдруг откинулся на стуле назад, и я почему-то подумала о том, что он привык совершать это действие, откидываясь на спинке компьютерного кресла или отъезжая на нём от стола. А сегодня у него не было такой возможности, потому что вместо кресла под ним был обычный, старый стул с фанерной спинкой. И по-

чувствовав неудобство, он, кажется, в первый момент удивился, поёрзал в недоумении, поднял глаза от экрана, и вот тут увидел меня.

Мы замерли, разглядывая друг друга. Я встретила взгляд ярких, голубых глаз, стерпела, пока меня визуально изучали, а я уже не сомневалась в том, что передо мной старший брат Григория Веклера. Андрей. Не знаю, каким именно я его себе представляла, и представляла ли вообще, но я помню, что мне рассказывала о нём Ксения. Всегда говорила, что Андрей невыносимо высокомерен, и с ней всегда разговаривает с оттенком небрежности, не воспринимает её всерьёз. Хотя, как она добавляла, он и Григория всерьёз не воспринимал. Разница в возрасте между братьями была, что и у нас с Ксюшей, примерно четыре года, а вот по отношению к жизни, между братьями Веклер зияла пропасть. По крайней мере, так было десять лет назад. Кто знает, что могло измениться за десять лет. Гришка мог повзрослеть, стать серьёзным человеком...

– Вы кто? – поинтересовался хозяин кабинета, и я от его голоса вдруг занервничала. Низкий, глубокий. А ещё осторожный. Он разглядывал меня, в конце концов, остановив взгляд на моём лице.

– Вика, – ответила я, не успев как следует обдумать свой ответ.

– Вика? – переспросил он.

Я вдруг поняла, что продолжаю с каким-то ненормаль-

ным вниманием тарашиться на него. Заставила себя сделать вдох, даже кашлянула от нервозности, и, наконец, сделала шаг вперёд, входя в кабинет. Решила пояснить:

– Виктория Захарова. Мне назначена встреча... по поводу аудиторской проверки.

Лицо мужчины в один момент разгладилось, он даже со стула поднялся мне навстречу, и я поняла, что он высокий. Выше меня почти на голову. Поэтому лучше держаться от него на приличном расстоянии, чтобы иметь возможность смотреть ему в лицо, не закидывая голову назад, как собачка.

– Ах да, аудит... Я совсем про вас забыл. – Он обошёл стол, шагнул ко мне и протянул руку. – Андрей Веклер, очень приятно.

Я дольше, чем положено, смотрела на его протянутую руку. Наверное, это должно было показаться странным. Затем поспешила протянуть ему свою в ответ. Это было странно —чувствовать мужское рукопожатие. Достаточно сильное, уверенное. Мою руку даже встряхнули, а я прислушивалась к себе, всеми силами стараясь понять, что чувствую.

– И мне... приятно, – проговорила я.

А Андрей указал рукой на один из стульев.

– Садитесь. Вика, правильно?

Я кивнула. И вдруг поняла, что он вглядывается в моё лицо, даже с прищуром. И у меня вдруг взволнованно ухнуло сердце. Подумалось, что вот сейчас он вспомнит, заметит сходство, поинтересуется, зачем я, на самом деле, пришла...

– Вика, а сколько вам лет? – задал Веклер вопрос.

Я моргнула в растерянности.

– Двадцать семь.

Он негромко хмыкнул.

– Правда? Я бы больше восемнадцати не дал.

Я смотрела на него без тени улыбки. Так и не поняла, что это было – комплимент или попытка уличить меня во лжи?

– Аркадий Михайлович мне вас хваливал, говорил, что вы отличный специалист.

Я осторожно пожала плечами. В конце концов, повода понравиться ему, у меня не было. Я пришла сюда не столько за работой, сколько за тем, чтобы просто с ним встретиться... что-то понять для себя. Хотя, что можно понять, находясь рядом с человеком, которого никогда прежде не встречала?

– Аркадий Михайлович видел меня единственный раз в жизни, – сказала я.

Андрей, кажется, моему ответу всерьёз удивился, потому что в глазах промелькнуло откровенное веселье, а сам он хмыкнул.

– А вы, как посмотрю, честная и серьёзная девушка.

– Я говорю, как есть.

– Это хорошо.

Он снова поднялся, отошёл к окну, по пути глянул на экран ноутбука и снова повернулся ко мне. А я почему-то смотрела на рисунок на его футболке. Нечто яркое, стран-

ное, даже немного устрашающее. Разве владельцы мебельных производств такое носят? А Андрей Веклер носил, вкупе с простецкими джинсами. Вряд ли они, конечно, простецкие, наверняка стоят, как половина моей зарплаты, но выглядел человек, собирающийся предложить мне работу, весьма демократично. Как бы сказала Жанка: так, будто пытается уйти от налогов.

– Вы что-нибудь знаете о нашей фабрике?

Слишком много, хотелось сказать мне. Предпочла бы ничего не знать.

– Я всю жизнь прожила в этом городе, Андрей Романович, я прекрасно помню, как о вашей мебели в городе заговорили. Помню магазины, мебель вашего производства в домах знакомых, и как вы переехали вместе с производством в Подмосковьё.

Андрей внимательно выслушал.

– Хорошо, – сказал он, когда я замолчала. И вдруг спросил: – А откуда вы знаете, что я Романович?

Это была та самая мелочь, на которой я прокололась, и даже не заметила этого. Я сидела на стуле с прямой спиной, сложив руки на сумке, что лежала у меня на коленях, и не понимала, из-за чего я так нервничаю. Ведь ничего странного, ужасного, опасного не происходит. А я нервничаю так, будто в тыл врага внедряюсь.

– Во-первых, вчера мне звонила ваша секретарша и называла вас по имени-отчеству. А, во-вторых, я многое помню

из начинаний вашей семьи. Мне было не так мало лет.

– Правда? Двенадцать?

Я поняла, что он пытается шутить, и растянула губы в улыбке.

– Я была очень серьёзным ребёнком.

– Верю, – улыбнулся он.

Он снова подошёл к столу, за которым работал до того момента, пока я не появилась, принялся что-то искать в бумагах, а я наблюдала за ним. Приходила к выводу, что они с Гришкой внешне совершенно не похожи. Зато Андрей был очень похож на отца, на Романа Артуровича. Ростом, фактурой, массивным подбородком и носом с горбинкой. Пухлые губы ему, по всей видимости, достались от матери, как и Григорию. Они смягчали будто высеченное из камня строгое лицо. Григория я помню более светлым, милостивым, без конца улыбающимся, со светящимися глазами. Гришка всегда был счастлив, по любому поводу, и Ксения активно брала с него пример. Проблем и неприятностей для них будто не существовало, а если они и случались, то они предпочитали ждать, когда за них их решит кто-то другой. Не потому что им было всё равно и никого не жалко, но не хотелось тратить жизнь на что-то мелочное, несостоящее внимания.

– Жить нужно здесь и сейчас, – начала повторять Ксения после знакомства с Гришей. – Другой возможности может не быть, понимаешь?

Я не понимала. И родители не понимали, пытались что-

то дочери объяснить, доказать, требовали от неё адекватного отношения к жизни... поначалу. А потом лишь просили не создавать проблем. Ксюша соглашалась, мне кажется, даже старалась. Она очень хотела быть счастливой, каждый день, без исключения.

– Вы правы, Вика, – сказал Андрей, и я, признаться, вздрогнула от неожиданности. Его присутствие будто затягивало меня в воспоминания, я даже голос сестры слышала, её смех, а этого со мной давно не случалось. – Десять лет назад мы перевели производство в Подмоскowie. Там площади больше, оборудование лучше, да и потребительский спрос значительно выше.

– Финансовые возможности потребителя тоже, – проговорила я негромко, а Андрей согласно кивнул.

– И в этом вы правы. На этой фабрике мы производили, в основном, фурнитуру, для собственных нужд, ну, иногда какие-то срочные заказы для области. Если честно, все эти годы я делами фабрики практически не интересовался. Изначально был нанят управляющий, затем отец поручил руководство моему младшему брату, но это самое руководство он осуществлял, так скажем, удалённо. А, по факту, управляющий так всем и заведовал. Несколько месяцев назад нам с ним пришлось расстаться, при обстоятельствах... так скажем, не слишком радующих, и поэтому мне, прежде чем начать заниматься восстановительными работами, обновлять оборудование, да и, вообще, приступать к каким-то действи-

ям, хотелось бы удостовериться в том, что с делами фабрики всё нормально.

– А разве здешнее производство не входит в общий список ваших предприятий? Его должны проверять наряду со всеми...

Андрей присел напротив меня, вздохнул, крутил между пальцев ручку.

– Дело в том, что официально эта фабрика принадлежит моей матери, а не отцу. Она досталась ей в наследство от моего деда, это было давно, и тогда отец решил рискнуть и начать своё дело. Это было ещё в начале нулевых, если помните. Мой отец отличный краснодеревщик, очень талантливый человек, но, как вы понимаете, начиналось всё любительски. Одним знакомым спальный гарнитур, другим горку... И так потихоньку он вышел на уровень местечкового мебельного производства. Поэтому никто ничего не оформлял, и эта фабрика до сих пор формально принадлежит маме. Сейчас я хочу разобраться в здешних делах, привести их, так сказать, в порядок, чтобы просчитать выгоды и возможные потери, составить бизнес-план. И мне нужен человек, который проведёт независимый аудит. Лично для меня. Как думаете, справитесь?

– Должна, – сказала я, если честно, заслушавшись его. У Андрея Веклера был потрясающий голос, истинно мужской, низкий, с волнующей хрипотцой. И от его интонаций я почему-то терялась. Поэтому и ответила с лёгкой растерян-

ностью первое, что сорвалось с языка, а не то, что пришло в голову. В голову мне должно было прийти то, что я здесь не для того, чтобы заслушиваться голосом незнакомого мужчины, на которого просто пришла посмотреть. Ради сестры.

– Что? – переспросил тем временем Андрей. По всей видимости, мой ответ его не удовлетворил.

– Я справлюсь, – ответила я.

– Хорошо. Сколько вам понадобится времени?

Я явно пришла сюда не за тем, чтобы соглашаться на работу. Так что я тогда ему обещаю и доказываю?

– Понимаете, у меня же официальная работа, – забормотала я невпопад.

– Да, Аркаша меня предупредил, и также пообещал, что всё решит. Если честно, я давно не был в этом городе, потерял всех знакомых, и нанимать кого-то с улицы, а уж тем более столичных аудиторов... Не хотелось бы никого пугать и настраивать против себя здесь. Москвичей в наших краях недолюбливают, сами знаете. Тем более тех, кто пытается считать чужие деньги.

Я кивнула. А Андрей придвинул к себе листок бумаги, что-то на нём написал и передвинул его ближе ко мне. Я взглянула и нахмурилась.

– Что это?

– Как что? – удивился он. – Ваш гонорар, конечно, при условии, что вы профессионально выполните работу. Аванс получите через неделю, как приступите.

Если честно, я даже рот открыла, глядя на лист бумаги, с написанными на ней цифрами. На всякий случай, трижды пересчитала нули. Их количество впечатляло. И как бы даже радовало, при условии, что я собиралась бы взяться за эту работу.

– Так что, Вика, мы с вами договорились?

Я поправила очки на носу. Старалась не выглядеть слишком ошарашенной.

– Вы же сами сказали, Аркадий Михайлович должен решить всё с моей официальной работой. Мне, конечно, обещали отпуск...

– Уверен, мы обо всём договоримся.

Я раздвинула губы в улыбке.

– Тогда будем ждать, – сказала я ему, тем самым давая себе ещё шанс для отступления.

– Конечно, – не стал он спорить, но при этом очень внимательно на меня смотрел. – Я вам позвоню.

Я согласно кивнула и поднялась с неудобного стула. Андрей поднялся следом за мной. Снова протянул мне руку, на этот раз для прощания.

– Всего доброго, Вика. Вы очень интересная девушка.

Я невольно насторожилась и переспросила:

– В каком смысле?

– Очень вдумчивая, как мне показалось. Из-за этого страдает ваша решительность. Но, думаю, для вашей профессии, это весьма подходящее качество. Проверяете и перепроверяете

ряете, я угадал?

Такие угадывания с заглядыванием мне в глаза, мне не слишком нравились. Поэтому руку свою я осторожно из его пальцев освободила, выдала ещё одну натянутую улыбку и решительно попрощалась. Может, мне повезёт, и Андрей Веклер мне не позвонит?

Но подумать было о чём. Вечером, занимаясь готовкой ужина, я при каждой свободной минутке присаживалась у окна, и в задумчивости принималась смотреть на улицу. Изо всех сил пыталась разобраться в себе, в своих подозрениях, в своём настроении. Но встреча с Андреем не давала мне покоя. Я понимала, что встречаться с ним я больше не хочу. Не хочу, чтобы он меня разглядывал, не хочу, что смотрел на меня пронизательным голубым взглядом и выдавал одно предположение за другим о моём внутреннем мире. Не скажу, что рядом с ним мне было неприятно, но явно не по себе. И слишком много воспоминаний его присутствие будило, хотя, лично он, вроде как, был ни при чём.

– О чём ты всё думаешь? – поинтересовался Вовка, в очередной раз появившись на кухне, в ожидании горячего ужина. Ухватил из вазочки сушку и захрустел.

А я возьми да скажи:

– Мне предложили подработку. Временную.

– Да? Хорошие деньги?

Я кивнула.

– Хорошие, Вова. Но дело не в этом.

– А в чём? – Вова заметно оживился, глаза загорелись. Он присел напротив меня и стал смотреть в ожидании интересных новостей. А я уже пожалела, что сказала ему. Но, если рассуждать здраво, кому мне говорить, если не любимому человеку? Если скрывать, тщательно фильтровать информацию, то, что это за отношения? Я всё ещё надеялась, что мы будем жить, как раньше, и близость – и эмоциональная, и физическая, – вернётся. И Вовка снова станет прежним, тем, в кого я влюбилась когда-то.

– Я не думаю, что это хорошая идея – браться за эту работу. Понимаешь, – я посмотрела ему в глаза, – это семья Веклер. Их мебельная фабрика.

Вовка смотрел на меня в полном недоумении. Затем пожал плечами.

– И что?

Я удивилась.

– Как что? Веклер, Вова. Те самые!

По его глазам я поняла, что он только в этот момент что-то осознал, вспомнил, сопоставил в голове факты, и пытался быстренько их обдумать. Затем пожал плечами.

– Вика, ты говоришь так, будто они убили Кеннеди. И это кем-то доказано.

– При чём здесь Кеннеди?

– Вот именно, что ни при чём. И твоя сестра, скорее всего, тоже не при чём. Это всё уже превратилось в какую-то семейную байку. Кто-то, когда-то, кого-то. Твоя сестра ушла

из дома и не вернулась. И никто не знает, что случилось. И, скорее всего, никогда не узнает. Кто предложил тебе работу? Её бывший парень?

– Нет, его брат.

– Он тебя узнал?

– Откуда? Мы никогда не встречались.

Вовка развёл руками и многозначительно хмыкнул.

– Ты сама понимаешь, насколько глупо пытаться притянуть ту старую историю за уши? А если тебе, на самом деле, предлагают хорошие деньги, то зачем отказываться? Ты же знаешь, что деньги нам нужны.

– Дело не в деньгах! – повторила я.

– Да, – согласился Вовка, – дело в том, что твоя мама и тебе мозги свернула. А люди живут и не подозревают, что их в чём-то винят и за что-то ненавидят. А они, возможно, ничего плохого никому не сделали!

Я на Вовку взглянула.

– Тебе ведь всё равно, да? – спросила я. – Тебе просто нужно, чтобы я взялась за эту работу.

Он даже глазом не моргнул, спокойно выдержал мой взгляд.

– Мне нужно, чтобы ты перестала сходить с ума. И делала то, что нужно, а не множила в себе подозрения. Как сама знаешь кто. – Он потянулся к моей руке, что лежала на столе, но я поспешила её отдёргнуть. И тогда Вовка выдал обречённый вздох, глянул на меня с нежностью и печалью, но я

была уверена, что всё это напускное. – Не позволяй свести себя с ума подозрениями, – сказал он. – Бери то, что тебе судьба предлагает.

Его слова эхом отозвались в моём сознании голосом сестры. Ксюша любила повторять что-то подобное, и в тот момент я почему-то подумала, что эти слова из Вовкиных уст прозвучали не просто так. Вдруг это знак?

ГЛАВА 4

Отпуск на работе я получила уже со следующей недели. Начальник подписал моё заявление на отпуск, и я отправилась с рабочего места восвояси. Заниматься, так сказать, своими делами. Девчонки в кабинете посматривали на меня со значением, а я отмалчивалась. В конце концов, мне никто не давал разрешения делиться сведениями о работе на Веклеров. Вдруг это секретная информация?

Зато Вовка был доволен. Тем, что я согласилась на работу. Несмотря на то, что отношения между нами натянулись до предела, общаться становилось всё труднее и труднее, Вовка был доволен. И это расстраивало меня больше всего.

– Вы, вообще, что думаете делать? – спросила меня Жанка, когда мы сидели с ней на её кухне, с чаем и пирожными. Дома мне вовсе не хотелось показываться. Тягостное молчание, что поселилось в нашем с Вовкой, казалось бы, общем доме, ужасно угнетало. Мы с ним молчали, потому что повод для любого разговора заканчивался ссорой или обидой одного из нас.

– В каком смысле? – переспросила я, не уловив сути её вопроса.

Жанка подула на горячий чай, а сама плечами пожала, не глядя мне в лицо.

– Жениться думаете или нет?

– Я не знаю, – честно ответила я. Невесело усмехнулась. – Эта тема давно не поднималась.

– Вика, а ты его, вообще, любишь? – Этот вопрос подруга задала, глядя мне в глаза. И от этого настырного внимания я в первый момент растерялась. Ответила:

– Конечно.

Жанна недоверчиво хмыкнула.

– Ты уверена?

Я даже нахмурилась от её презрительного тона.

– Жанна, мы с ним вместе не один год. У нас столько планов было, столько возможностей. Просто сейчас не тот момент. – Я неопределённо повела рукой. – У всех бывают трудные времена. Но это не значит, что нужно разворачиваться и уходить. С трудностями нужно бороться. Разве я не права?

– Права, конечно. – Подружка откровенно вздохнула. – Вот только бороться с ними нужно как бы вместе. А у тебя выходит в одиночку.

Я поводила пальцем по столу. На тарелочке скучало недоёденное песочное пирожное, а у меня, кажется, пропал аппетит.

– Я знаю, – проговорила я негромко. – Но ведь не бывает так, что человек был одним, а потом вдруг стал другим. Так же не бывает. Когда мы с Вовой познакомились, он был таким... – Я попыталась подобрать подходящие слова, взмахнула рукой на эмоциях. – Таким живым, таким ам-

бициозным. Он столько всего хотел. Развиваться, двигаться вперёд, карьеру строить. Это я была простушкой, устроилась на свой завод и была этим счастлива. Сидела в углу кабинета и мысленно строила планы по порабощению Вселенной. В рамках одного предприятия. Вовка был для меня примером. А потом он будто выдохся.

– Брось. Единственное, что в твоём Вовчике выдохлось, так это совесть. Понравилось ему на твоей шее сидеть, вот и всё.

Я раздумывала над её словами. Затем непонимающе пожала плечами.

– Я не понимаю, что изменилось.

– С чего ты вообще взяла, что он был, как ты говоришь, амбициозным карьеристом? Я вот, к примеру, Вовку знаю с первого класса. Повезло мне с ним в одном классе учиться. Да ты в курсе. Так вот никогда двигателем прогресса он не был. Я до тебя это с самого начала донести стараюсь. Правда, ты меня никогда не слушаешь, а поначалу и вовсе: хлопай ресницами и взлетай. Вика вся в любви и обожании. А Вовку всю жизнь вперёд мамочка толкала. Не знаю, как уж ему свезло найти ту работу, на которой он себя незаменимым специалистом почувствовал, но, как ты сама удостоверилась, незаменимых у нас нет.

Я подперла подбородок рукой, на подружку уставилась.

– И что ты предлагаешь мне делать? – поинтересовалась я у неё.

Жанка, отсутствием аппетита не страдавшая, облизала ложку от крема, а после моего вопроса, перевела на меня взгляд, в некотором замешательстве.

– Я?

– Ну, ты же мне пытаешься доказать, что я не рассмотрела в своё время, сглупила... И если ты права, то, что мне делать?

Жанна вначале хмыкнула в задумчивости, после чего расправила плечи, а для меня с выражением проговорила:

– Отправляться зарабатывать деньги, быть при этом аккуратной, а потом послать Вовчика с родителями и их новой машиной куда подальше. По крайней мере, ни за что не платить.

– Жан, ты же понимаешь, что это будет означать.

– Вот и узнаем точно, что это будет означать. – Она вдруг потянулась ко мне рукой, с явным намерением постучать мне по лбу ложкой. Я едва уклонилась. – Вика, он тобой пользуется! Пойми это, наконец.

Я промолчала. Промолчала, потому что не хотела сидеть на этой кухне до бесконечности и выяснять то, как именно Вова мной пользуется. Я прекрасно всё знала сама, но в моём сознании задолго до этого отвратительного понимания, сложился образ нашей с ним совместной жизни, наших взаимоотношений, общего будущего. Несмотря на то, что до загса мы с Вовкой так и не дошли, по разным причинам, у нас с ним давно уже была одна жизнь на двоих, со всеми её ра-

достями, проблемами и невзгодами. И взять, и просто перечеркнуть всё это, я никак не могла. Наверное, потому, что было страшно осознать, что несколько лет я потратила на пустые надежды и ожидания, а, на самом деле, я до сих пор одна. Мне не к кому прийти за поддержкой, не на кого понадеяться.

Правда, благодаря Вовке я познакомилась с Жанной, но, согласитесь, подруга – это совсем не крепкое, надежное плечо. У подруги своя семья, и создавать ей проблемы своими жизненными неурядицами, неправильно.

Будто догадавшись, что именно мы с Жанкой так жарко обсуждаем в последнее время, а, точнее, кого, Вовка встретил меня дома с радостной улыбкой. Я ждала, что он снова будет ворчать по поводу того, что я его на Жанку променяла, как часто делал в последнее время, но Вовка лишь со смехом поинтересовался:

– Наболтались, наконец?

Я осторожно кивнула.

– Что обсуждаете? Если не секрет, конечно.

– Не секрет, – ответила я, мысленно чертыхнувшись. – Мою новую работу.

– А-а. А я тоже хочу тебя порадовать.

Я остановилась в паре шагов от него, постаралась выглядеть оживлённой и заинтересованной, хотя все Вовкины «радостные новости» в последнее время, ничего кроме расстройств у меня не вызывали.

Он смотрел на меня, вроде как ожидая, что я всплесну руками в нетерпении, сама попрошу его рассказать, кинусь ему на шею... Как поступала раньше. А я стояла и смотрела на него.

– У меня теперь тоже есть работа, – выдал Вовка невероятную новость. Я моргнула, обдумала. Вспомнила, сколько раз после потери приемлемой для него, как он сам считал, должности, я слышала эти слова. Раз пять точно. Но каждый раз всё заканчивалось поспешным увольнением по собственному желанию. То зарплата не та, то коллектив недружелюбный, то начальство сумасбродное и требует чего-то невыносимого. Каждый раз находилась причина, поэтому я уже знала, что радоваться рано. Но Вовка, по всей видимости, ждал от меня именно радости. Смотрел на меня с намёком, затем протянул руку и притянул меня к себе. Обнял на радостях. А когда я откинула голову назад, потому что довольно болезненно ткнулась носом в его плечо, он меня быстренько поцеловал в губы.

– Викуль, ты видишь, всё налаживается! Я же тебе говорил!

– Что за работа? – решила поинтересоваться я. Даже постаралась изобразить живой интерес, хотя, на самом деле, внутри что-то неприятно натянулось.

– Главным менеджером по продажам.

Если честно, это было довольно неплохо. Я не ожидала. Наконец во мне проснулся интерес, и я взглянула на Вовку

куда более заинтересованно.

– Что за компания?

Вовка обнимал меня, смотрел сверху прямо мне в глаза, улыбался... как-то зазывно и заискивающе одновременно. Именно его взгляд и будил в моей душе подозрения и настороженность, с самого начала этого разговора. Но я не стала его теребить, допрашивать, просто ждала ответа.

– Пивоварня «Birgarus». – Я ещё только раздумывала, что ему сказать по поводу этой новости, а Вовка уже прижал палец к моим губам. – Молчи, вот только сейчас молчи. Прежде чем ты начнёшь возражать, я хочу тебе сказать, что всё серьёзно!..

Я кивнула и проговорила сквозь полусомкнутые губы и его палец:

– Конечно.

– Вика, просто поверь мне. Лёшка уволил одного из менеджеров, ему срочно нужна замена. А кто подойдёт лучше меня?

– На самом деле, – не утерпела я. Вывернулась из его рук, отступила и взглянула на любимого со значением. Развела руками, не в силах сдержаться. – Кто подойдёт на роль менеджера лучше старого дружка?

– Но это ведь работа!

– Вова, ты никогда не торговал пивом, – попыталась донести я до него, – ты торговал компьютерной техникой. И это получалось у тебя неплохо. Ничего о пиве, кроме вкуса, ко-

нечно, ты не знаешь.

– Я научусь, – разозлился он. – А ты в меня совсем не веришь. Совсем меня не поддерживаешь!

Наверное, он был прав. Я столько раз читала во всяких умных книжках, слушала выступления психологов, по поводу того, что женщина рядом с мужчиной должна становиться музой, поддерживать и вдохновлять, а я в последние месяцы только и делаю, что Вовку критикую. Но что я могу поделать, если все его задумки и начинания не блещут оригинальностью и прозорливостью? Все работы, на которые он пытался устроиться после сокращения, будто специально подбирали их для того, чтобы поскорее оттуда уволиться. А если и загорался какой-то идеей, приходил к мысли, что хочет заниматься именно этим, и ничем другим, все эти задумки не выдерживали никакого критического подхода.

А с работой на этой пивоварне, отдельная история. Сама по себе пивоварня, проект в нашем городе достаточно успешный. Пиво они производят хорошее, и не только пиво, а ещё несколько известных напитков, включая медовуху, которую так любят многочисленные туристы. И я даже не сомневаюсь, что Вова, при необходимости, научится, вникнет в детали, изучит все стороны процесса и продаж. Вся проблема в том, что ему не дадут этого сделать. Я была больше чем уверена, что эта затея закончится грандиозным провалом. А всё из-за Лёшки Игнатьева, давнего, институтского Вовкиного друга. Сказать честно, то стезя пивовара Игна-

твью подходила идеально. Он сам был похож на свой любимый пенный напиток. Бродил, буйствовал, радовал всех вокруг, а, главное, самого себя. Лёшка был в восторге от своей жизни, от достатка и свободы, бесконечно балагурил, давным-давно скинув заботы по бизнесу на толковых управляющих. И каждая их встреча с Вовой заканчивалась... скажем так, раньше, чем через три-четыре дня затяжного веселья, она не заканчивалась. Они попросту не умели общаться по-другому! И как это совместить с работой, в моей голове не укладывалось. А эти двое, судя по всему, придумали.

– Интересно, а почему он берёт тебя сразу старшим менеджером? – решила поинтересоваться я.

Вова всерьёз удивился.

– А кем? У меня же опыт!

– Ах, у тебя опыт, – повторила я за ним эхом.

Вовка выглядел откровенно недовольным.

– На тебя не угодишь, ты вечно всем недовольна.

Я присела на диван, плечи сами собой печально опустились.

– Я просто устала, – вдруг призналась я.

– От чего? От меня?

Я подняла на него глаза. Смотрела в любимое некогда лицо, и гадала, куда же делся трепет, теплота, желание прикасаться и заботиться именно об этом мужчине. Ещё год назад мне казалось, что счастливее меня на свете женщины нет. А оказывается... я меркантильная? Дело, выходит, в деньгах,

в работе, в перспективах? Я хочу жизни без проблем, а ведь так не бывает. Но воспоминания о том разговоре на кухне, когда Вова даже не уговаривал, а буквально вынуждал меня согласиться на работу у Веклеров, из головы никак не шли. Меня до сих пор коробило от его слов и тона. А ещё взглядов. Ласковых и проникновенных.

– От проблем, – ответила я, не желая ещё что-то выяснять в данный момент. – Я просто хочу, чтобы что-то изменилось.

– Оно и меняется, Вика. Наши проблемы позади. Я нашёл работу, у тебя тоже появилась возможность заработать. Как думаешь, может, в Турцию слетаем? У тебя же отпуск.

Вовка плюхнулся на диван рядом со мной, обнял меня одной рукой и довольно вздохнул.

– Завтра с Лёшкой на производство поедем, – начал он, а мне захотелось уши руками закрыть. – Он утром за мной заедет, надо же ему машину показать, да? – Вовка заглянул мне в лицо и улыбнулся. – Похвастаемся с тобой.

Не хватало мне ещё вечно улыбающейся физиономии Игнатьева прямо с утра.

Игнатьев, на самом деле, появился, едва часы показали девять утра. Несуветная рань для него. Зашёл в квартиру с шуточками и прибауточками, Лёшка вечно подтрунивал над другом по поводу семейного положения того. Безмерно гордился своей свободой, хотя, чем именно, объяснить не мог. Наверное, тем, что его материальный достаток позволял ему менять девушек каждую неделю. Возможно, это

приносило ему радость и счастье, кто знает. А я для Игнатьева была, как заноза. Мы друг друга недолюбливали, только я своего отношения особо не скрывала, к общению не стремилась, а Лёша относился ко мне со снисходительностью. Мол, есть я и шут со мной. Хотя, я знала, что никак его не впечатляю. Рыжая, в очках, да ещё с такой скучной профессией. А ещё вечно занудствую, сама веселиться не умею, и никуда Вову с ним стараюсь не отпускать.

У меня тоже к Игнатьеву была масса претензий и недовольств, поэтому мы и старались с ним лишней раз не пересекаться. А теперь вот он появился с видом благодетеля.

– Вика, слышала, любимому твоему должность какую подобрал? – начал он едва ли не с порога.

По мне, так его слова были откровенно неприятными, но Вовка на меня в этот момент так глянул, что мне пришлось натянуть на лицо улыбку. Слава Богу, что вслух восторгов и благодарностей меня выражать не попросили.

– Сваришь нам кофе?

– Кофе и завтрак на кухне, – ответила я, радуясь, что успела приготовить всё до появления Игнатьева, чтобы можно было с чистой совестью с кухни удалиться. Правда, задержала взгляд на яркой рубашке гостя и пиджаке цвета тёмного шоколада – красивого, насыщенного оттенка.

Лёша любил одеваться броско и дорого. Надеюсь, Вова за дружком в этом плане не потянется, а то на смену гардероба уйдёт пара его зарплат вперёд.

Я закрыла за собой дверь спальни, и только собиралась перевести дух, как у меня зазвонил телефон. Номер был неизвестным.

– Вика, здравствуйте.

Этот голос я узнала бы из миллиона, подумалось мне. Его даже телефонные динамики ничуть не портили.

– Здравствуйте, Андрей Романович, – отозвалась я машинально. А он усмехнулся, я прекрасно расслышала смешок.

– Узнали меня? Приятно.

– Вы что-то хотели уточнить?

– Уточнить? Нет. Хотел попросить вас начать работу сегодня. Сможете?

– В выходной? – удивилась я.

– Понимаю, что это неожиданно, и, возможно, неудобно... У вас, наверное, семья.

Я посмотрела на прикрытую дверь спальни. С кухни слышались веселые мужские голоса. Друзья, кажется, даже не заметили моего ухода.

– Нет, семьи у меня нет, – ответила я. – И я не против приняться за работу. Приехать на фабрику?

– Нет, приезжайте ко мне домой. На фабрике сегодня мрачно и пусто. Я передам вам файлы с документацией. Просто завтра я планирую уехать в Москву, не хотелось бы терять половину дня из-за одной встречи.

– Да, конечно, – с готовностью согласилась я. – Сейчас подъеду.

Я уже готова была отключить телефон, как снова услышала его голос.

– Вика.

Я снова приложила трубку к уху.

– Да?

– А вы не хотите спросить, куда ехать? – поинтересовался Андрей с очередным смешком.

Я почувствовала досаду на себя, за очередной промах. А вот Андрею я, наверняка, кажусь весьма странной особой. Себе на уме.

– Да, конечно, – пробормотала я, – записываю. – Ничего записывать я не собиралась.

Не подумайте, что Ксения мне и по дому Веклеров экскурсию устраивала, там я никогда не бывала, но где находится их дом, отлично знала. И от сестры, и от родителей. Но даже рядом никогда не проходила, за все прошедшие десять лет. Несмотря на то, что дом их находился буквально в центре города, на скрытой за сквером улочке, которая когда-то, лет сто пятьдесят назад, была отдельно стоящим посёлком, довольно крупным. Сейчас же от него осталась одна улица, с названием того самого посёлка, наверное, чтобы помнили, а дома все новые, один коттедж другого краше. Хотя, земля в этом месте была не самая дорогая, если брать правее, ближе к пойме реки и главному городскому собору, там ценник попросту зашкаливал. Получается, Веклеры, далеко не самое зажиточное семейство, по сравнению с некоторыми, на-

стоящие скромники.

Спустя час я уже выходила из такси у высоких железных ворот, с кованым орнаментом в качестве украшения. Забор, что шёл вокруг дома, был сложен из белого камня, тоже достаточно высокий, если приподняться на цыпочки, можно было увидеть лишь черепичную крышу на участке. А сама по себе улочка живописная. Я никогда здесь раньше не бывала. Идеально заасфальтированная дорога, красивые подъездные дорожки и высокие заборы, клумбы с цветами в нужных местах. В конце улицы белокаменная церквушка с изумительным, ухоженным садиком вокруг. Забор вокруг неё тоже, явно, сделанный на заказ. Завидная красота и аккуратность. У нас далеко не везде такое встретишь, даже в центре города. Понятно, что местные жители прикладывают усилия, чтобы создать и поддерживать этот райский уголок. Чужаков здесь, скорее всего, не ждут и не любят.

У металлической калитки дома Веклер висел домофон. Я подошла и нажала кнопку вызова. Почти тут же раздался сигнал открытия двери, никто даже не поинтересовался, кто пожаловал. Меня просто впустили внутрь.

Я вошла и поневоле принялась оглядываться, пользовалась моментом, когда можно было остановиться, придерживая тяжёлую дверь за своей спиной, а сама с любопытством осматривалась. Участок вокруг дома не был особо большим, соток десять, не больше, и на этой территории был построен дом. Не сказать, чтобы новый и современный. Добротный

двухэтажный деревянный дом, такие строили в конце девяностых годов, тогда полюбили пристраивать к деревенским домам вторые этажи и веранды, расширяя жилую площадь. Но недавно дом отремонтировали, новый светлый сайдинг и черепичная крыша, окна новые, красивые шторы на окнах. От дома веяло недавним ремонтом, казалось, что запах краски ещё до конца не выветрился. Даже уличная плитка под моими ногами выглядела так, будто до меня по ней ещё никто не ступал. На веранде новая плетёная мебель, а от деревянных перил пахнет лаком. Вокруг дома ровный, идеальный газон, мне даже захотелось наклониться и пощупать траву, настоящая ли она, уж чересчур сочного цвета она была. По забору насажены фруктовые кустарники, под окнами клумбы с цветами, надо сказать, что фиалки и петунии казались несколько пожухлыми, будто их высадили уже цветущими. Скорее всего, так и было, ландшафтный дизайнер постарался.

Я подняла глаза к окнам второго этажа. Прямо над верандой располагался небольшой балкон, наверное, примыкал к одной из спален. В целом, дом мне понравился. Приятный, обновлённый, в таком доме хотелось жить. А если повернуть голову, то можно увидеть купол церкви, весьма, знаете ли, умиротворяет. Я даже представила на секунду, как сижу вечером на веранде, в плетёном кресле, и слушаю колокольный звон.

– Вика.

Я вздрогнула от негромкого окрика, повернулась обратно к дому, перестав щуриться при взгляде на золотой купол церквушки, и увидела Андрея Романовича. Он стоял на веранде и смотрел на меня. Видимо, устал ждать меня в доме, я пропала на пути от калитки до дома, увлеклась.

Я поправила очки, пытаясь скрыть смущение. Сказала:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – услышала я в ответ.

А ещё мне достался непонимающий взгляд, Андрей Романович, судя по всему, не понимал, что меня задерживает в саду. Андрей оперся одной рукой на деревянные перила веранды, и меня разглядывал. А я вдруг вспомнила, что сегодня забыла закрутить волосы в комель, и они свободно рассыпались по плечам. Я зачем-то суетливо откинула их назад, за спину, будто они мне мешали.

– Вы рыжая, – вдруг выдал он.

Я в растерянности моргнула.

– Я знаю.

Андрей улыбнулся.

– В прошлый раз я этого не понял, – пояснил он. – Думал, крашенная.

Когда я ехала на первую встречу с Андреем Веклером, я больше думала о сестре, чем о возможной работе. И почему-то я была уверена, что старший брат Гришки имеет с ним куда большее сходство, они же, в конце концов, братья. Я почему-то ждала внешней схожести, характерной, была увере-

на, что мне будет неприятно общаться с Андреем, и я с лёгкостью от предложенной работы откажусь. Просто посмотрю на него, поговорю, облегчу свою совесть той встречей, чтобы сказать самой себе, что я воспользовалась предоставленной возможностью, не отмахнулась и не сбежала. Но Андрей и Григорий были совершенно не похожи. И даже сейчас я на Андрея смотрела, и при всём желании и старании не видела никакой схожести.

На Андрея смотреть было приятно. А что такого в том, чтобы признаться в этом? Я же этим признанием не совершаю измены, правда? К тому же, со мной такое случается очень-очень редко, чтобы я встретила мужчину, на которого мне приятно смотреть. Я натура не влюбчивая. Да и влюблённость здесь не при чём. Просто было в Андрее Веклере что-то такое, неуловимо мужское, вечное, устоявшееся, от чего мне было трудно отвести взгляд. Что-то в его глазах, в чётких чертах лица, даже чуть грубоватых, в том, как он держался, стоял или сидел, он отменно владел своим телом, каждой своей эмоцией, действием. И это завораживало. Меня, барышню стеснительную, чужая уверенность в себе, всегда завораживала. Не вижу причины этого скрывать. А тут ещё и привлекательный мужчина. Тёмные волосы, внимательные голубые глаза, сильные руки и широкие плечи. А уж когда он произнёс своим невероятным голосом:

– Рыжая, – у меня отчего-то засосало под ложечкой. Да так ощутимо, что захотелось руку к животу приложить.

Наверное, я всё-таки зря всё это затеяла. Плохая это идея.

Мы так и стояли: я на садовой дорожке, а он разглядывал меня с веранды. Потом вдруг опомнился:

– Входи. Может, облегчим себе задачу и будем общаться на «ты»?

Я кивнула, разрешила:

– Можете обращаться ко мне на «ты».

– А ты так и будешь «выкать»?

– Вы же мой работодатель.

– Временный. Так что, можно обойтись без лишнего идолопоклонничества.

– И всё-таки, – негромко, но настойчиво гнула я свою линию, – так будет правильнее. – «По крайней мере, спокойнее», добавила я про себя.

Внутри дом тоже был со свежим ремонтом. Всё новейшее, целёхонькое, чувствовался лёгкий запах обойного клея и мебельной обивки.

– Рабочие только вчера ушли окончательно, – словно прочитав мои мысли, сказал Андрей. – В доме давно никто не жил, пришлось делать капитальный ремонт.

– Дом красивый, – похвалила я. – И место замечательное. Самый центр, а очень тихо.

Андрей кинул на меня весёлый взгляд.

– Моё детство прошло на этой улице. И, поверь, когда я рос, особой красоты и тишины здесь не было. Это потом все сюда за солидностью и умиротворением начали подтягивать-

ся. Мы последние из прежних жителей этого посёлка. Дом отцу от бабушки ещё достался. Он сам его когда-то перестраивал, а вот теперь уже ремонт на новый манер сделали. Всё по-современному, как отец скажет. С отоплением, водопроводом, интернетом и спутниковым телевидением. А я ещё помню времена, когда в старом доме у бабушки печка русская стояла, а в туалет на улицу ходили. И ничего, жили. Пока мой брат не родился, так тут и жили. У меня брат младший, – вдруг пояснил он.

Я на автомате кивнула. Осматривалась. А Андрей за мной наблюдал. Потом вдруг сказал:

– От дома с печкой давным-давно ничего не осталось. Не высматривай.

Я смутилась.

– Я не высматриваю...

– У тебя взгляд такой, будто раздумываешь, в каком углу печка стояла. А тут мрамор и хром.

– Думаю, вашим родителям ремонт непременно понравится.

Андрей кивнул.

– Думаю, да. Отец, возможно, вернётся сюда, когда отойдёт от дел.

Мы прошли через открытую гостиную на кухню. Её от гостиной отделяла высокая мраморная стойка, рядом стояли несколько высоких табуретов. Сейчас на стойке стояла чашка и открытый ноутбук, по всей видимости, Андрей рабо-

тал, когда я пришла. Он подошёл к ноутбуку, что-то читал на экране, а я окинула взглядом современную кухню, с мраморными столешницами и новенькой техникой, затем обратила внимание на гостиную. Точнее, на мебель. Горка под старину, комод, стулья с резными спинками. Полированное дерево тёмных тонов, я подошла к комоду и осторожно провела рукой по краю. Дерево казалось тёплым и очень приятным наощупь.

– Это работа отца, – услышала я голос Андрея.

Я обернулась, взглянула с удивлением.

– То есть, это он сам сделал? Полностью?

– Да. Это не фабричное производство. Это ручная работа.

– С ума сойти, – не смогла сдержаться я. – Это очень красиво.

– Мой отец – мастер своего дела. У меня так не выходит.

– Вы тоже занимаетесь...

Я не подобрала правильного слова, мы с Андреем встретились глазами, он улыбнулся и сказал:

– Да, я тоже краснодеревщик. Когда-то позавидовал умениям отца, захотел научиться. Но у него настоящий талант, мне до него далеко. Поэтому и возникла идея переоборудовать здешнюю фабрику.

– Для вашего отца?

– Да. Он собрался на покой, пусть не в этом году, но и полная реконструкция даже маленького предприятия займёт не один месяц. Хочу, чтобы он чувствовал себя здесь ком-

фортно. У отца свои клиенты, он занимается одним заказом по несколько месяцев, большое производство ему ни к чему, поэтому фабрику оборудуем под его нужды.

– Это здорово, – согласилась я. – Здорово, когда дети так заботятся о твоём благополучии.

– Да, наверное, – проговорил Андрей, но несколько отстранённо, видимо, не слишком впечатлившись высказанным мной комплиментом.

Я вновь огляделась, осторожно. Ни одной семейной фотографии в комнате не увидела.

– А ваш брат, – решила я спросить, – тоже участвует в семейном бизнесе?

– Мой брат? – Мне показалось, что Андрей насторожился. Глянул на меня, оторвавшись от компьютера, в замешательстве. Затем поспешно кивнул. – Брат, да, тоже... участвует.

Я выдала притворную, зато бодрую улыбку.

– Здорово, когда вся семья занимается одним делом.

На это мне ничего не ответили. Зато Андрей выдернул сбоку компьютера флэш-накопитель и протянул его мне.

– Вот, Вика, держите. Здесь вся документация по работе фабрики за последние три года. Оригиналы документов на фабрике, я сделаю вам туда допуск, можете работать там.

Я подошла и забрала у него флешку. На мгновение мы коснулись друг друга руками, но Андрей, кажется, этого не заметил, а вот я смутилась. Ещё и от того, что в этот же момент в сумке зазвонил мой телефон, и я отлично знала,

что это Вовка. Позвонил ровно в тот момент, когда я, пусть и случайно, коснулась чужого мужчины, и у меня от этого действия что-то дрогнуло внутри. Определённо дрогнуло.

Телефон я достала, а звонок сбросила.

– Что-то не так?

Я на Андрея посмотрела, качнула головой.

– Всё хорошо.

Мы смотрели друг на друга и молчали. Я не знаю, о чём Андрей думал в этот момент, но взгляд у него был задумчивый и чуточку снисходительный, будто он до конца ещё так и не пришёл к выводу, стоит ли мне доверять. Он даже смотрел на меня так, будто я молодая и неопытная особа, которая совершенно случайно оказалась той, кто будет заниматься его финансами. Не его лично, конечно, а некоторой части его компании, но даже это дело он мне, судя по всему, доверял с трудом.

– Вы не переживайте, Андрей Романович, – сказала я, убирая флэшку в сумку, – когда вы вернётесь, я уже смогу представить вам первые отчёты. Будем считать, что это мой испытательный срок.

– Почему ты так говоришь?

– Я же вижу, вы мне не доверяете.

Он головой качнул, усмехнулся, но возражать мне не стал. Что доказало мне обоснованность моих подозрений. А Андрей ещё добавил:

– Я привык верить результатам. А тебя никто за язык

не тянул. Придётся тебе за эти дни постараться.

– Я постараюсь, – пообещала я.

– Значит, увидимся в конце недели, Вика?

Я согласно кивнула. Поняла, что мне тонко намекают на прощание, и направилась к двери.

– Если что, звони, – попросил он. – Мой номер у тебя есть.

Я снова кивнула. У калитки, до которой Андрей меня проводил, мы коротко, совершенно по-деловому попрощались, и через секунду я оказалась на улице. Металлическая дверь за мной закрылась, я сделала шаг и остановилась. Посмотрела в одну сторону, потом в другую. Ни души. Зато солнце светит, деревья шумят, а птички поют. Вокруг меня заборы и крыши частных домов, а автобусная остановка едва ли не в километре отсюда, вверх по холму. Зато самый центр, исторические места, тишина и благодать.

А Андрей Романович, кстати, мог бы задуматься о том, что я без машины. Поинтересоваться, как с его благословенной улицы я выбираться буду. Но такие мелочи его, наверняка, не беспокоят. Ему и в голову не придёт, что кто-то может передвигаться без личного автомобиля. Я вздохнула и отправилась вверх по дороге, с каждым шагом буквально приближаясь к цивилизации.

Вова мне перезвонил, когда я уже почти добралась до дома. Я сама, если честно, совершенно о его звонке позабыла. Оказавшись в центре, первым делом отправилась не на автобусную остановку, а в ближайший магазин за водой. Про

себя радуясь, что с утра надела сандалии, а не босоножки на каблуках, в попытке поразить новоявленного работодателя. Мысль о босоножках у меня, признаться, мелькнула, когда я собиралась, но затем я решила, что это будет слишком и даже чуточку неуместно, и выбор пал на сандалии. На каблуках я в гору не пошла бы.

Конечно, можно было бы не скупиться и вызвать такси и на обратный путь, но, скажем прямо, денег я пока ещё ни от кого не получила, так что, приходилось о бюджете помнить. Поэтому пешая прогулка по тридцатиградусной жаре в горку, а затем в магазин за водой. И в автобус. Скучная жизнь обывателя.

– Что с работой? – деловито поинтересовался у меня Вовка, когда я ответила на его звонок. Если честно, я думала, что он будет возмущаться из-за того, что я не ответила в первый раз и не перезвонила, но его голос звучал бодро и довольно.

– Всё хорошо, – ответила я. – Наверное. А у тебя?

– И у меня всё хорошо, – важно отозвался он. – Принимаю дела.

Я вздохнула в сторонку. Какие дела он может принимать? Сорта пива изучать? Вместо язвительности, я сказала:

– Поздравляю.

– Ты довольна? У нас обоих есть работа. Ты же этого хотела.

– Что значит, я хотела? – удивилась я. – Так должно быть,

вообще-то.

– Ну да. Но ты довольна?

– Довольна, – отозвалась я. И добавила: – Я рада, если ты рад.

– Конечно. Отпразднуем сегодня?

Я как раз дошла до подъезда, остановилась в тенишке, чтобы перевести дыхание. Такому предложению из нашей прошлой жизни, из наших привычек только для двоих, когда мы устраивали романтические вечера, разговаривали и целовались, стоило обрадоваться, и я поспешила согласиться.

– Конечно, давай.

– Отлично. Тогда приезжай к семи в «Тотем».

Я секунду обдумывала, затем переспросила:

– Куда?

– В «Тотем», – повторил Вовка. – Ночной клуб у центрального парка.

– Вова, я знаю, что такое «Тотем». Но я думала, что... – Я расстроено замолчала, не могла никак справиться с разочарованием. И Вовка, конечно, заметил и переспросил:

– Что? Что ты хотела сказать?

– Вова, я думала, что мы отпразднуем вдвоём, как раньше.

В трубке повисла тишина, я могла поклясться, что Вовка не на шутку удивился. Будто забыл, как раньше между нами было, о том, как нам было приятно и интересно проводить время вместе. Ведь было такое.

– Вика, мы обязательно отпразднуем вдвоём, – сказал

он после выразительного молчания. – А сегодня нам нужно быть в другом месте.

– В ночном клубе?

– Да, – ответил он вполне решительно и настойчиво. – Потому что этого требуют обстоятельства.

Наверняка, требовали этого не обстоятельства, а его новый начальник. Лёшка как раз был отчаянным любителем ночных клубов, особенно по вечерам выходных дней, когда людей в заведениях особенно много.

– Мне нужно налаживать связи, Вика, нужно общаться с сотрудниками, с партнёрами, в конце концов, я менеджер по продажам.

– Я понимаю, – проговорила я. – Где же ещё продавать пиво, как не в ночном клубе?

– Не передёргивай, – попросил он. – Лёшка говорит, что все будут с жёнами и девушками. Видишь, какие все стали взрослые, никто не собирается никого обманывать и бегать по клубам, искать приключения. Всё цивилизно.

– Да уж.

– Так что, приезжай к семи.

– Ты даже дома не появишься?

– Мне некогда, – услышала я, – я работаю.

Я в досаде отключила телефон и сжала его в руке.

В ночных клубах я бывала всего несколько раз. Ещё в институте пару раз девчонки-однокурсницы зазывали меня с собой, в основном, отпраздновать чьё-либо день рождения,

и после нашего с Вовкой знакомства, он несколько раз водил меня потанцевать. Фанатом ночных загулов я не была, к тому же, в то время, когда мы могли себе позволить подобные рандеву, мы оба работали, и времени на клубы не хватало. Времени, а то и сил. А позже не стало денег. Хотя, я знала, что в молодости Вова частенько бывал в подобных заведениях, в основном, с подачи лучшего дружка. Как я уже говорила, Игнатьев обожал всяческие тусовки. А уж теперь, когда мог себе позволить тусить каждые выходные, выучил все подобные заведения на зубок, и всюду его принимали с распростёртыми объятиями.

Клуб «Тотем» открылся пару лет назад. На самом деле, в этих стенах уже лет двадцать существовал ночной клуб, вот только названия и интерьеры менялись. Закрывался один, спустя какое-то время открывался другой, место было уж слишком привлекательное и удобное, вдали от жилых домов, скандальных жителей и случайных прохожих. И помещение само по себе просторное, его без устали каждые новые владельцы переделывали и переделывали. Я была здесь дважды, и каждый раз под вывеской с новым названием. Теперь вот мой третий визит, уже с вывеской «Тотем». Когда я подъехала на такси, перед входом ещё не толпились люди, не было слышно музыки. Что и понятно, для ночных танцев ещё было слишком рано. Но вооружившись информацией из интернета, я узнала, что с семи вечера начинает работать ресторан с собственной кухней, и уже только ближе к ночи начи-

нают подтягиваться посетители, желающие не вкусно поесть, а выпить несколько коктейлей и хорошенько повеселиться. Клуб работал до шести утра, времени было предостаточно.

Особо модных нарядов, достойных современной тусовщицы, я в своём гардеробе не обнаружила, их там, если честно, и не было, пришлось всерьёз подумать над образом. Подозревала, что привычные к таким заведениям подружки коллег и партнёров по бизнесу, близкие к Игнатьеву, будут выглядеть лучше, чем я. Хотя бы, потому, что будут чувствовать себя комфортно, а мне предстоит весь вечер вращаться не в своей тарелке.

Странно, но на входе меня остановила охрана. Поинтересовалась, с какой целью я пожаловала. Оказалось, что до десяти часов вечера, гости в зал допускаются только по предварительной брони. Все столы в ресторанном зале резервируются заранее.

– Игнатьев, – вздохнула я, глядя в лицо бравому охраннику. Услышав заветную фамилию, мне тут же улыбнулись и распахнули передо мной дверь. И даже пожелали:

– Приятного Вам вечера.

– Спасибо, – еле слышно отозвалась я. Вошла в прохладное фойе, для начала огляделась, затем шагнула к огромному, во всю стену, зеркалу. Окинула себя придирчивым взглядом. Яркий брючный комбинезон, который в повседневной жизни я носить стеснялась из-за глубокого выреза декольте (как я, вообще, умудрилась его купить, ума не приложу?),

высокий каблук, волосы, небрежно забранные наверх, броский макияж, раз уж решила посетить ночной клуб, можно себе позволить некоторую вольность. Ах да, линзы вместо очков.

Линзы я не слишком любила, редко их надевала, наверное, слишком привыкла к очкам, с самого детства. Иногда ощущала себя спокойнее только из-за того, что чувствовала тяжесть оправы на носу. Будто очки могли скрыть что-то: чувства, эмоции. Будто отгораживали и защищали тебя от внешнего мира. А с линзами я чувствовала себя едва ли не голой. По крайней мере, непривычно и некомфортно.

К тому же, как я уже говорила, Лёшка Игнатъев не воспринимал меня всерьёз. Каждый раз, как видел меня – просто одетую, в очках, да ещё и рыжую, в его глазах появлялось откровенное непонимание, и на дружка он принимался поглядывать чуть ли не с жалостью. Мол, с кем тот связался. Однажды я даже не выдержала, и Вовке все свои замечания высказала, но тот лишь посмеялся.

– У всех разные представления о красоте, – сказал мне тогда Вовка. – Каждому нужно своё. Что ты переживаешь, ты же не с Игнатьевым встречаешься. А для меня ты самая красивая.

Тогда меня его слова успокоили, но каждый визит его друга, наша с Игнатьевым встреча, приносила мне острое неудовольствие. Кому понравится, когда на тебя посматривают с непониманием и снисходительностью? Сам Лёша

неизменно выбирал себе в пару какую-нибудь длинноногую красавицу с кукольной внешностью, и я с ними соперничать не собиралась. Но всё равно морально готовила себя чуть ли не к битве этим вечером. По меньшей мере, готовилась мириться с недовольством и скептицизмом по отношению к своей персоне. Игнатьев искренне считал, что я его другу не пара, и, в другой ситуации, я старалась не обращать на его мнение внимания, а вот теперь он стал Вовкиным начальником, и явно будет с удвоенным рвением продвигать политику своей партии.

Я напоследок поправила волосы, облизала губы, и отправилась по длинному коридору, увешанному зеркалами и яркими постерами, к дверям в зал. У тех дверей тоже стояла охрана, но никто уже не стал спрашивать, каким ветром меня сюда занесло, и передо мной просто распахнули дверь. Я вошла в освещённый зал, по кругу шла длинная барная стойка, за ней всё искрилось – зеркала, бутылки, натёртые до блеска бокалы, улыбались бармены первым клиентам, сидящим на высоких стульях. А другую половину зала занимали накрытые столы. Я же в данный момент находилась на открытом пространстве, судя по всему, оно и превратится чуть позже в танцпол. В ресторанном зале уже достаточно много людей, несколько столов сдвинуто, за ними собрались большие компании. Я немного опоздала, часы показывали почти восемь вечера, и веселье уже шло полным ходом. Музыка играла, ещё не оглушительно громко, но кто-то уже пытался

танцевать.

Я направилась через танцпол к столам, высмотрев у одного из них Вовку. Он стоял, кажется, говорил речь, с рюмкой в руке, широко улыбался, и выглядел настолько довольным и расслабленным, что я сразу поняла: меня он уже не ждёт, ему и без того хорошо. И теперь я появлюсь, и, возможно, испорчу ему всю малину. В этот момент я пожалела, что у меня нет с собой очков. Мне было бы куда спокойнее, можно было бы улыбаться только губами, а не глазами, именно свои эмоции при желании, за стеклами очков можно спрятать, притвориться. А теперь придётся смотреть всем глаза в глаза.

Я приблизилась к столу, даже слышала уже Вовкин голос, который благодарил лучшего друга за предоставленный шанс, я стояла совсем рядом, а он даже меня не замечал. И это было безумно глупо и неловко. Я даже улыбку изобразила, собираясь вмешаться, а потом почему-то перевела глаза в сторону, всего на секунду, и увидела в баре мужчину. Он сидел и смотрел на меня через весь зал.

И это был Андрей Веклер.

ГЛАВА 5

Я его сразу узнала, даже издалека, даже в странном освещении клубного зала. То ли по силуэту, то ли по манере держаться, то ли по повороту головы. Но я в одно неуловимое мгновение поняла, что это он. И меня будто жаром изнутри окатило. Ещё бы, он появился там же, где и я, и теперь сидит и смотрит... зачем-то.

– Детка, ты пришла! – Вовка, наконец, меня заметил, выпил рюмку, а затем обнял меня за плечи, притянул к себе. Но вместо того, чтобы сказать мне что-то, или хотя бы в лицо мне посмотреть, он взмахнул рукой, окинув этим жестом собравшихся за столом людей. – Я тебя со всеми познакомлю!.. – пообещал он, а меня, тем временем, представил: – Это Вика.

– Жена? – спросил кто-то.

В принципе, вопрос был достаточно простым, согласитесь. И нужно было лишь сказать «да» или «нет». И я бы даже не обиделась, если бы Вова сказал «нет», присовокупив какое-нибудь короткое, но емкое пояснение. А мой любимый вдруг завис, и это выглядело настолько жалко, а ещё унижительно. Потому что на меня смотрели незнакомые люди – с любопытством и вопросом в глазах, а меня лишь стискивали рукой за плечи, как старую знакомую, и ошарашенно молчали. Конечно же, я наткнулась на насмешливый

взгляд Игнатьева, он откровенно потешался надо мной и моей неловкостью, хорошо хоть молча, не отпускал язвительных шуточек. А мне надоело стоять, как старой приятельнице под Вовкиной рукой, я из-под неё выбралась, а всем страждущим от любопытства ответила:

– Невеста.

На этом и порешили. Мы с Вовкой присели на диван, неловкий момент решили сгладить, все тут же принялись вновь наполнять бокалы, мой тоже, подоспевший официант поставил передо мной тарелку и положил столовые приборы, и я старательно удерживала на губах улыбку. Пыталась сделать вид, что ничуть не смущена произошедшей заминкой. Хотя, по правде говоря, мне было жутко обидно. Вроде бы и не произошло ничего катастрофического, но чувствовала я себя едва ли не оплётанной. Вот зачем я, спрашивается, сюда пришла?

«Он выпил и не отдаёт отчёт в своих действиях и словах», подсказал мне всепрощающий внутренний голос. А я на него же ещё и поругалась, мол, снова ищет Вовке оправдания. Но мне-то неприятно, мне-то обидно, несмотря на то, что он выпил и чего-то там кому-то не отдаёт.

– Викуля, ты рада, что у твоего благоверного теперь есть работа? – спросил меня улыбчивый змей-искуситель Игнатьев, потянувшись ко мне с бокалом в желании выпить со мной. Помнится, однажды Лёше пришлось в голову выпить со мной на брудершафт. Это было в прошлую новогоднюю

ночь, в тот момент, когда мы ненадолго остались одни. Он вот также тянулся ко мне, посматривал со значением, а я поняла, что меня тошнит от его льстивых речей и пошлых улыбок. Пить Игнатьеву тогда пришлось самому с собой, а наши с ним отношения с той ночи окончательно испортились.

– Я рада, – ответила я ему, для формальности чокнувшись с ним бокалом. И с медовой улыбкой попросила: – Только не называй меня Викулей, Алёшенька.

За столом засмеялись, Игнатьев тоже продолжал мне широко и якобы открыто улыбаться, но между нами всё было давно определено и ясно – мы друг друга терпеть не могли.

Собравшаяся за столом компания была абсолютно не моя. Мужчины-балагуры и их женщины, все, как одна, знающие себе цену. Я им тоже по формату никак не подходила, и после того, как на меня вдоволь насмотрелись, интерес к моей персоне был утрачен. У меня никак не получалось вступить в их разговор, просто потому, что я либо в теме не разбиралась, либо этим в принципе не интересовалась. А за столом без устали болтали, смеялись, пили, ели и веселились. Я тоже ела, точнее, ковыряла вилкой в салате, и пила вино. Вино, кстати, было хорошим. Чуть сладким, чуть терпким, с едва уловимой кислинкой. Всё, как я люблю. Этим я и посоветовала себе наслаждаться. Лишь иногда вскидывала голову и заставляла себя улыбнуться, в основном, когда о моём присутствии вспоминали. Вовка пил на радостях, ни в чём себе не отказывал, без конца о чём-то негромко го-

ворил с рядом сидящим дружкой. Точнее, они почти перешёптывались, что в любой другой ситуации показалось бы неприличным. Но в данный момент все остальные за столом уже достаточно выпили, кто-то уткнулся в телефон, кто-то отправился танцевать, а вот парочка напротив меня принялась целоваться. Точно не муж с женой, уж слишком увлеклись процессом.

И единственное, что меня отвлекало от душевного недомогательства, которое грозило вот-вот переполнить чашу моего терпения, так это то, что я, наконец, смогла определить, с кем здесь отдыхает Андрей Романович. В баре его уже давно не было, и на какое-то время я потеряла его из вида, даже решила, что он покинул заведение, но затем увидела его за большим столом в противоположном углу зала. Там собралась большая компания, человек на двадцать, и там было по-настоящему шумно и весело. Андрей Романович тоже казался весёлым, порой смеялся, и на меня совсем не смотрел. Был увлечён происходящим за своим столом. А я украдкой за ним наблюдала. Сама не понимала, что меня в нём притягивает. Наверное, несоответствие моих представлений о нём. Ведь собираясь на первую встречу к Андрею Романовичу, я столько себе всего напридумывала, а он вдруг оказался совсем другим, даже внешне. И я никак не могла справиться с удивлением.

Девушка, которая только-только целовалась со своим кавалером, сидя напротив меня, вдруг вскочила и схватила ме-

ня за руку.

– Вика, пошли танцевать!

Я взглянула на неё в недоумении, хотела отказаться, но затем тоже поднялась из-за стола. Остаться рядом с мужчинами, которым моё присутствие не нужно, не хотелось. Сидеть рядом и слушать их пафосно-важные разговоры. Особенно мне не понравилось наблюдать за тем, как Вова важно кивает головой, прислушиваясь к тому, что говорят другие. А ведь они говорили о вещах, в которых он, совершенно точно, ничего не смыслил. По крайней мере, пока.

Мы с девушкой, которую звали, как выяснилось, Вероника, вышли на танцпол, там уже танцевали люди, и я, в первый момент, решившая отойти к бару и провести время там в одиночестве, пошла у Вероники на поводу, и осталась потанцевать. Если попытаться, я и то не вспомню, когда в последний раз отдыхала, веселилась и танцевала. Проблемы последнего года будто огромный груз лежали на плечах, а с ним как-то не танцуется.

Правда, когда я смотрела на то, как веселится Вероника, мне за себя было немного неловко, я на её фоне самой себе казалась очень сдержанной, даже скучной. А Вероника точно была сумасшедшей. Или сильно пьяна. Она прыгала, кружилась, смеялась и подпевала. А ещё меня теребила, призывая махнуть рукой на все внутренние препоны и сойти с ума вместе с ней. Я даже подхватила её настроение, приняла её руку, и мы вместе попрыгали, подурачились, попели знако-

мую всем песню, и я, на самом деле, почувствовала себя куда лучше. Казалось, что мне и дышать-то стало легче. Эдакий психологический драйв.

А потом я снова заметила Андрея, и опять в баре. Он сидел на высоком табурете, лицом к танцполу, что-то пил и смотрел. А когда мы встретились взглядами, улыбнулся и отсалютовал мне бокалом. Я улыбнулась ему в ответ. Что ещё я могла сделать? Замахать ему руками на радостях, как поступила бы Вероника?

– Вика, составьте мне компанию.

Он сам подошёл через пару минут. Я остановилась, перестала танцевать, а Андрей Романович наклонился ко мне, чтобы я сквозь музыку расслышала его приглашение.

– Компанию?

– Давайте что-нибудь выпьем в баре. Или это не приветствуется?

Я поняла, на что он намекал. Даже оглянулась через плечо на Вовку, но лишь в очередной раз убедилась, что тот занят чем угодно, но только не мной. Мужчины за столом выпивали, и, кажется, давали друг другу какие-то клятвы, судя по тому, как жали друг другу руки, с серьёзными, важными лицами.

Поэтому я лишь кивнула, соглашаясь на предложение Андрея, не увидев в нём ничего зазорного. Оставила Веронику танцевать, а сама прошла к бару. Тут можно было разговаривать, а не кричать друг другу что-то на ухо.

– Где бы нам встретиться, да? – улыбнулся Андрей Романович. Повернулся к бармену и заказал для меня коктейль, причём, на свой вкус. Меня это немного удивило, но возражать я не стала.

– Я, на самом деле, удивилась, увидев вас здесь, – призналась я.

Андрей сел на соседний со мною стул, улыбнулся.

– А я, если честно, вас не сразу узнал.

– Здесь тусклое освещение, – признала я.

– Да и вы выглядите непривычно. По крайней мере, для моего глаза. Вы без очков, одеты по-другому.

От его замечаний стало немного не по себе. Я отвернулась, чтобы избежать его насмешливого взгляда.

– Да, я не всегда экономист от макушки до пяток. Временами позволяю себе расслабиться.

– Вам идёт.

Наверное, это был комплимент, поэтому я кивнула и поблагодарила.

– Спасибо, Андрей Романович.

Он даже поморщился.

– Когда вы произносите моё имя и отчество, я сразу чувствую себя невероятно старым. По крайней мере, человеком в возрасте.

– Я всего лишь соблюдаю субординацию.

– Ну да, ну да. Как вам коктейль?

– Вкусно, спасибо.

– Я подумал, что вы любите сладкое. Просто обязаны любить сладкое.

В этих словах прозвучал некий намёк, немного неприличный, и я невольно задержала взгляд на лице Андрея. И, конечно, тут же решила, что он надо мной посмеивается.

– Вообще-то, – сказал он совсем другим тоном, – я сегодня и без того чувствую себя ужасно старым. Знаешь почему?

Я заинтересованно приподняла брови, тянула густой коктейль через трубочку и на Андрея посматривала. Опасалась разглядывать его слишком откровенно, поэтому мой взгляд останавливался то на его тёмных волосах, то на кончике носа, губы я старательно обходила и принималась смотреть на тяжёлый подбородок, а затем видела его шею в вырезе светлой рубашки и торопилась снова поднять глаза к его лицу. И запретила даже себе признаваться, что всё, что я вижу, мне до остроты ощущений нравится.

Ведь как мне может нравиться мужчина, когда в этом же зале находится человек, которого я люблю, с которым живу, с которым строю планы на будущее?..

Андрей указал пальцем на их шумный стол с большим количеством людей.

– У нас встреча выпускников, – сказал он. – Я на ней лет десять не был, не до этого было, а тут меня буквально выловили в городе.

– Школа? – уточнила я.

Андрей кивнул и даже подтвердил:

– Школа. Представляешь, какой ужас? Все эти старые люди мои ровесники. У меня психологический шок.

Я не выдержала и засмеялась. А Андрей взглянул с укором.

– Что ты смеёшься? Видишь, вон ту пухлую блондинку в кудряшках? С лысым парнем обнимается?

Я смотрела через зал, и на самом деле увидела эту колоритную парочку. Пухлая блондинка и лысоватый мужчина пили на брудершафт под гул подначивания друзей.

– Вижу.

– Так вот, это моя первая любовь, – заявил вдруг Андрей Романович, а я взглянула на него в удивлении. Взглянула внимательно, и только тут поняла, что он всё-таки пьян. Улыбка чересчур шальная, и взгляд немного рассеянный.

– Правда?

– Да, – серьёзно кивнул он. – Алёна Водоступова. Правда, не помню, какой класс... Десятый, что ли... Но любовь была!.. я за неё даже дрался. Кстати, однажды как раз с этим лысым и дрался. А сейчас она уже не похожа на ту девочку. Совсем не похожа, я бы сказал. И у неё трое детей, она мне сама сегодня призналась.

– Но это же здорово.

Он на меня посмотрел, чуть заметно нахмурился.

– Дети? Дети – да, наверное, здорово. Но я про другое. Я сегодня посмотрел на своих одноклассников, и как-то мне

стало не по себе.

Я улыбнулась.

– Что им всем уже не по семнадцать?

– Очень, знаешь ли, приятно, что ты щадишь мои чувства.

И не говоришь, как есть. – Он снова смотрел на меня, очень внимательно вглядывался в моё лицо, у меня от его вкрадчивого взгляда мурашки поползли, причём, мурашки эти были какими-то волнительными, безумными, а не настороженными. Какими им бы следовало быть. – А ты? – спросил он.

– Что я?

– Ты что празднуешь? Или это так, будни молодой и красивой девушки?

Я немного отодвинулась от него, осознав, что мы сидим слишком близко, и когда Андрей Романович говорит, я буквально чувствую его дыхание на своём лице.

– Мои будни куда скучнее и прозаичнее, – заверила его я. Я расправила плечи, приказывая себе немедленно успокоиться и взять себя в руки. Затем сказала: – Мой парень нашёл новую работу. Вот они и празднуют. Вместе с новым начальником.

Андрей обдумал услышанное, после чего серьёзно качнул головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.